

2

940
Тарнов

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ

9(св)1(09)
и 90

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ПОРТРЕТАХЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Т

СОСТАВИЛИ: 93.

ОКТ 1948

Профессора Императорскаго Университета Св. Владиміра

В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ

ПО КОЛЛЕКЦИИ

Киевская Обл.
БІБЛІОТЕКА
И. Н. К. КРУТСЬКА

ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ТАРНОВСКАГО.

Миб 7557 к.с.с.
1940 г. Инв. № 17109

БИБЛОСХОВИЩО

Ц. Б. ПЕРЕВІРЕНО
1936 Р.

ПЕРЕВІРЕНО

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
1885.

76

Рисунки и текст настоящего сочинения составляют собственность издателя, а потому распространение их фотографией и другими способами, в какую-бы то нибыло величину, воспрещается.

Владимир Бец.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящее издание предпринято по инициативе бывшего воспитанника Университета Св. Владимира, В. В. Тарновского, затратившего много лет и значительные средства на приобретение всяких памятников, касающихся этнографии и археологии юго-западного края. Коллекция этих памятников — единственная в своем роде — была неоднократно предметом выставки в г. Киеве, и обращала на себя внимание не только по обилию и ценности предметов, но по их историческому интересу. Нужна была особенная любовь, доходящая до страсти, чтобы извлечь даже из хуторных захолустьев и монастырских стен какой-нибудь фамильный портрет, старинный манускрипт, редкую старинную вещь местной работы или принадлежавшую лицу, игравшему какую-нибудь роль в истории края. Значительные суммы затрачивались на покупку костюмов, оружия и предметов местной домашней утвари прошлого и зашлого столетий, которые приобретались собирателем даже из заграничных музеев.

Коллекция В. В. Тарновского имеет большую этнографическо-археологическую ценность; коллекция эта может быть названа настоящим, едва ли не единственным музеем юго-западного края. Она помещается в одном из имений владельца ее в селении Качановке Черниговской губ. Борзенского уезда, поэтому доступна для не многих.

Если описание и издание всякой естественно-исторической коллекции имеет как образовательное, так и научное значение, представляя возможность пользоваться ею каждому у себя в кабинете, то тем большее еще значение приобретает издание коллекции этнографическо-археологической, предметы которой приобретаются и сохраняются трудно. Сколько картинных галерей, сколько манускриптов, составлявших частную собственность, уже потеряны для

потомства. Изменение материального положения владельца, равнодушие или добродушие его наследников, и редкие собрания делаются предметом распродажи, для расхищаются добрыми людьми иногда с варварским равнодушием. На моей памяти исчез безследно большой фамильный архив, собиравшийся десятки лет Ник. Ив. Танским. Я также был свидетелем как документы второй половины прошлаго столетия из года в год маляры употребляли на обертки артоса, заказываемаго для приходской церкви.

Еще больше: в конце пятидесятих годов последняя представительница рода одного из выдававшихся южнорусских деятелей царствования Екатерины II геростратовски отняла у истории, может быть важнейшия сведения относящиеся к последнему гетманству. Незадолго до своей кончины, она приказала растопить печь кирпичнаго завода, поставить в нее два огромные сундука с различными документами и поддерживать огонь; до тех пор пока все превратилось в пепел. Все такая вольныя и невольныя прегрешения пред исторической наукой всегда были и всегда будут присущи изменяющимся условиям материального и нравственнаго состояния частной человеческой жизни.

Для спасения от разрушения дорогих остатков прошедшаго возможны два способа: или собрание предметов делается достоянием общественным и хранится в особом помещении, общественном музее, или с вещественных образчиков делаются рисунки, копии в значительном количестве экземпляров. Первый способ сохранения предметов во времени представляет хотя большую вероятность, но не абсолютную: например в случае войны или еще больше господства стихийной силы народных масс. Второй способ не дает возможности непосредственно видеть и осязать самые предметы, но за то может быть более увековечивает их посредством копии. История изобилует назидательными примерами уничтожения подлинников коллекций и сохранения сведений о них посредством таких копий, благодаря литографскому станку.

Собрание В. В. Тарновскаго состоит из старинных портретов, рисунков, документов, различных предметов домашней утвари и различнаго рода стариннаго оружия. Для истории нашей местности

наибольшее значение несомненно имеют личности, бывшие представителями и вожаками народа. Портреты таких исторических личностей несомненно интересны для любителя родной старины, но они важны и ценны не только для историка, но для этнографа и антрополога. Не даром народная поговорка „лицо — зеркало души" выразила ту неразрывную связь, которая существует между внутренним миром человека и его наружными чертами: в тише лица чутье историка может иногда подмечать мотивы деятельности исторической личности.

Антрополог по типу лица вправе делать заключения в какой семье, к какому племени принадлежит данная личность. Хотя для решения этих вопросов наука и не имеет абсолютных данных, но данные известной вероятности все-таки существуют, и может быть настанет время, когда тип исчезнувшего человека сделается предметом такого же научного анализа, как и тип исчезнувшего животного. На сколько мысль эта верна и может быть оправдана фактами деятельности исторических личностей — ответят приводимые жизнеописания, обязательно составленные по нашей просьбе знатоком местной старины профессором Антоновичем.

В собрании Тарновскаго находятся 44 портрета различных лиц; все они войдут в наше издание, составив 1-й отдел его, распадающийся на пять выпусков. Второй отдел, если обстоятельства нам не помешают, будет содержать описание и изображение старинных предметов, домашней утвари, одежды и оружия. В третий отдел могут войти факсимиле различных местных документов 17 и 18 века и 1-й половины настоящего столетия.

Выходящий в свет 1-й выпуск содержит в себе 9 портретов и биографий выборных гетманов и один портрет Макаровскаго сотника Саввы Туптала с его коротенькой биографией. Все биографии написаны известным знатоком истории юго-западной России проф. Б. Б. Антоновичем, исключая биографии Хмельницкаго, написанной секретарем Киевской Археограф. Комиссии О. И. Левицким. Портреты отпечатаны

фототипией и составляют точнейшие уменьшенные копии с портретов коллекции Тарновского написанных масляными красками.

Богдан Хмельницкий снят со старинного оригинала, находившагося в картинной галлерее граф. Осолинских. Этот портрет приобретен В. В. Тарновским от бывшего Варшавскаго, полицеймейстера И. И. Стороженка. Аутентичность этого портрета доказывается большим сходством его с гравюрою Гондиуса, резаную на меди и отпечатаную в Гданске в 1651 г. Гравюра эта очень редкая, и сколько нам известно находится она в хорошем виде только в известном собрании сенатора Ровинскаго и в Краковской Библиотеке, откуда мы получили ее, благодаря обязательности польскаго археолога Иосифа Лоскаго. Гравюра эта есть самый старый и самый первый современный ему портрет Богдана Хмельницкаго, поэтому может быть и самый верный. Она служила образчиком для всех других его портретов, как гравированных, так и писанных масляными красками. Несколькими годами позже эта же самая гравюра Гондиуса была вырезана на меди гравером Конрадом Воусманом в Антверпене, и скопирована в прямом виде, поэтому отпечаток ея представляет обратное изображение. Гравюра эта находится в библиотеке графов Замоиских в Варшаве. Кроме гравюры Гондиуса, мы прилагаем еще пять гравюр портрета Хмельницкаго, взятых из различных сочинений 17-го века, относящихся ко времени Яна Казимира и Богдана Хмельницкаго. Три из этих гравюр представляют неудачныя копии с гравюры Гондиуса в меньшем виде, а остальные две непохожи на гравюру Гондиуса и представляют одно и тоже лицо гравированное в обратном отношении; меньшая из них помещена в книге Адольфа Брахелия под заглавием „*Historia nostril temporis rerum bello et pase ab Anno 1618 usgue ad annum 1654 Amstelodami*". Все эти гравюры мы получили от графа Милорадовича, благодаря просвещенному его сочувствию нашему изданию.

Из новых портретов Хмельницкаго мы прилагаем литографическую

копию его художника Матейко, помещенную в иллюстрированном Варшавском журнале „Kłosy". Это художественная переделка гравюры Гондиуса, только черты лица Хмельницкаго несколько полонизированы.

Петр Дорошенко снят с портрета, находившагося в Волоколамском монастыре, где он погребен. Он изображен уже пожилым и писан не совсем искусною рукою; особенно это видно в изображении туловища, которое всегда изображается не верно на наших старинных портретах. Вероятность сходства этого портрета доказывается современною гравюрою, изданною в Антверпене в конце 17-го столетия. Эту редкую гравюру, составляющую собственность любителя старины А. М. Лазаревскаго, мы также прилагаем.

Портрет Саввы Туптала снят с стариннаго оригинала, находившагося в Черниговском соборе. Этот портрет по типу лица, по его выражению, по прическе, и бороде, по принадлежностям костюма, совершенно тождественен с копией портрета, существующаго в Киево-Кириловском соборе и прежде висевшаго над гробом Туптала. Подпись над портретом следующая: копия эта снята с стариннаго портрета С. Туптала 1774 году. Для большей полноты издаваемой коллекции мы включили в нее и тот портрет Туптала, который был издан в Москве в 1830-х годах. Последний изображает Туптала глубоким стариком, вероятно не задолго до смерти. Может быть он писан не с натуры, а может быть разница между двумя приводимыми портретами объясняется большой разницей в возрасте. Портрет из коллекции Тарновскаго изображает Туптала в возрасте примерно от 50 до 60 лет, а на портрете Московском он представляется стариком до 100 лет.

Остальные портреты коллекции Тарновскаго, вошедшие в настоящий выпуск, срисованы с миниатюрных изображений гетманов, помещенных в известной летописи Величка, находящейся в Императорской Публичной Библиотеке. Они сделаны с этих изображений по заказу В. В. Тарновскаго в настоящую величину маслянными красками известным художником

Васько, бывшим преподавателем рисования в Университете Св. Владимира. Если в этих портретах, в чертах лица; есть некоторое выражение характера каждой личности, которое по-видимому отсутствует в миниатюрах Велички, то в этом нельзя упрекнуть покойного художника, художественное око которого могло прозреть такую черту в миниатюрном рисунке, которая невидима глазу обыкновенного зрителя. Таким образом, эти портреты можно считать наиболее верными с их старинными подлинниками, они составляют ипіса в живописи.

Портрет Юрия Хмельницкаго писан с изображения его, находящагося у Судиенка.

Портрет Сагайдачнаго снятъ с портрета, находящагося в торжественной зале Киевской Духовной Академии. Аутентичность его доказывается ксилографическим изображением Сагайдачнаго, изданным вместе с стихами, сочиненными на смерть его студентами Киев. Братскаго училища в 1621 году. Это ксилографическое изображение гетмана верхом на коне мы включили в собрание факсимиле, а самый оригинал его находится в Императорской Публичной Библиотеке.

В заключение приношу искреннюю благодарность Александру Матвеевичу Лазаревскому за его содействие этому изданию.

**КИЕВ,
1883 года февраля 8 дня.**

Владимир Бец.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА

От издателя	I
Оглавление	VII
Петр Конашевич Сагайдачный	1
Богдан Хмельницкий	8
Юрий Зиновьевич Хмельницкий	35
Савва Григорьевич Туптало	47
Иван Остапович Выговский	49
Павел Тетеря	68
Демьян Игнатьевич Многогрешный	77
Иван Мартынович Брюховецвий	88
Михаил Степанович Ханенко	95
Петр Дорофеевич Дорошенко	99

ОГЛАВЛЕНИЕ ТАБЛИЦ.

1.	Портрет Сагайдачного из коллекции портретов Киевской Духовной Академии.
2.	Портрет Хмельницкого из коллекции В. В. Тарновского.
3.	Гравюра Хмельницкого Гондиуса 1651 года.
4.	Гравюра Хмельницкого Яна Матейки из Варшавской Иллюстрации „Клосы“.
5.	Гравюра Хмельницкого из сочинения „Re Revolta“.
6.	Гравюра Хмельницкого из коллекции Графа Милорадовича.
7.	Гравюра Хмельницкого из той же коллекции.
8.	Гравюра Хмельницкого из сочинения Адольфа Брахелия.
9.	Гравюра Хмельницкого из коллекции Графа Милорадовича.
10.	Портрет Юрия Хмельницкого из коллекции В. В. Тарновского.

11	Портрет Туптала из коллекции В. В. Тарновского.
12	Портрет Туптала Московский.
13	Портрет Выговского из коллекции В. В. Тарновского.
14	Портрет Тетери из коллекции В. В. Тарновского.
15	Портрет Многогрешного из коллекции В. В. Тарновского.
16	Портрет Брюховецкаго из коллекции В. В. Тарновского.
17	Портрет Ханенка из коллекции В. В. Тарновского.
18	Портрет Дорошенка из коллекции В. В. Тарновского.
19	Гравюра Дорошенка, изданная в Антверпене в конце 17-го века, из коллекции А. М. Лазаревского.
20	Изображение Сагайдачного из сочинения „Вирши на смерть Гетмана Сагайдачного" Киев 1621 года и факсимиле: Богдана Хмельницкаго, Юрия Хмельницкаго, Ивана Выговскаго и Павла Тетери.
21	Факсимиле: Демьяна Многогрешнаго, Ивана Брюховецкаго, Михаила Ханенка и Петра Дорошенка.

ПЕТРЪ КОНАШЕВИЧЪ САГАЙДАЧНЫЙ.

1605—1622 г.г.

ПЕТР КОНАШЕВИЧ САГАЙДАЧНЫЙ.

1605—1622 г.г.

Петр Сагайдачный, православный дворянин, родом из Самбора в Червонной Руси, был сыном Конона (по тогдашнему произношению Конаша) Сагайдачнаго, откуда и происходит его отчество Конашевич, принимаемое

обыкновенно за фамильное его название. О воспитании Петра Конашевича мы знаем только то, что он учился в училище, возникшем под покровительством князя Константина Острожского, в Остроге на Волыни; продолжал ли он учение впоследствии не известно, но дошедшие до нас факты из его биографии дают право утверждать, что он принадлежал к числу весьма образованных людей своего времени, об этом свидетельствуют: как постоянная его забота о развитии школ и просвещения в южной Руси, так и составленное им сочинение „Объяснение об унии“, которое один из учнейших современников Сагайдачного, литовский канцлер Лев Сапега, назвал „предрагоценным сочинением“. Окончив свое образование, Петр Конашевич поступил, вероятно в последние годы XVI или в начальные XVII столетия, в ряды запорожского войска; здесь известная храбрость, значительное умственное развитие и политический такт, которыми всегда отличался Петр Конашевич, выдвинули его вскоре из рядов и доставили ему первенствующее значение в запорожском войске.

Тяжелое время переживало Днепровское козачество в конце XVI столетия: вследствие присоединения южнорусских земель к Польше актом Люблинской унии 1569 года, польское государственное право введено было в эти земли, а по установившимся положениям этого права, козацкое сословие являлось аномалиею, не могло уложиться в сословные категории, выработанные польскою историческою жизнью, должно было перейти в состав сословий, признанных законом: дворянского или крестьянского. Вместе с политическим переворотом, во второй половине XVI столетия случился другой, еще более важный переворот в южнорусских землях — переворот экономический; система хозяйства, вследствие увеличения народонаселения и истощения естественных богатств края, резко переменяется и входит на новые пути производства. До половины XVI столетия в западнорусских землях преобладало хозяйство лесное, звероловное и рыболовное; самыми доходными угодьями поземельных имений считались: пчелиные борти, бобровые гоны, рыбные озера и затоны, звероловные уходы и т. п. и

земледелие служило только подспорьем к хозяйству и производилось подсечным методом в небольших размерах, долженствовавших лишь доставить продовольствие для собственного потребления хозяина. С половины XVI века главное внимание землевладельцев обращается на земледелие, и хлебные продукты добываются усиленно и составляют главную статью вывоза; этот экономический перелом отразился двумя явлениями в жизни края: стремлением дворян оставить лесные имения Полесья и вместо них приобрести права на черноземные степные пространства, принадлежавшие до того времени козацким общинам, городам или свободным крестьянским поселениям; и настойчивыми усилиями со стороны помещиков ввести крепостное право, по польскому закону, взамен свободных отношений, существовавших между землевладельцами и земледельцами по праву литовскому; дворяне стали появляться сотнями и тысячами в степной Украине, предъявляли грамоты, выпрошенные ими у короля на поземельные имения, вступали во владение ими и стремились закрепить жившее в этих имениях, население, причислявшееся к козацкому сословию.

К двум указанным причинам давления в конце XVI столетия присоединилась третья — причина религиозная: желание водворить в южной Руси церковную унию. Козачество, подвергаясь вследствие вышеуказанных причин напору со стороны всесильного дворянского сословия, попыталось противодействовать ему: в конце XVI столетия вооруженным сопротивлением, но два первых возстания были подавлены и способствовали лишь тому, что новый порядок вещей был закреплен законодательным. Незначительная часть козаков была признана сеймовым законодательством сословием свободным, но не пользующимся политическими правами в Речи Посполитой — на нее возложена была пограничная военная служба и козаки подчинены были строгому контролю военных и административных властей; все же остальное козацкое и свободное крестьянское население края должно было подчиниться дворянам, уступить им свои земли и войти в число

крепостного населения.

Конечно, со стороны этого населения явилось желание избежать тяжелой участи, и как возможный исход из трудного положения — представилось бегство. К югу от населенной полосы Днепровской Украины, на обширном пространстве от Тясмина и Синюхи до берегов Черного и Азовского морей, лежали обширные, пустынные пространства нынешнего Новороссийского края; степи эти, на основании старых грамот и договоров, составляли наследие великих князей Литовских, но фактически никому не принадлежали.

Здесь проходили лишь изредка кочевые ногайцы и по низовьям Днепра и по его притокам селились редкие хутора или располагались летняя стоянки жителей южнорусских городов и староств, выходивших в степь на лето для рыбной и звериной ловли. Чтобы обезопасить эти хутора и стоянки от нападений ногайцев, энергичный староста Черкасский, Дмитрий Вишневецкий, построил в первой половине XVI столетия на одном из днепровских островов лежавших ниже порогов, крепость, — Сечь, и снабдил ее постоянным гарнизоном, составленным из охотников и выходцев из Украинских староств; гарнизон этот и был зародышем запорожской общины. Сечь запорожская до второй половины XVI столетия вмещала в себе весьма не многолюдное население и имела значение отдаленной пограничной крепостцы. Только в конце столетия, когда вышеуказанные причины заставили народ бежать толпами в низовья степи, запорожское войско приобрело значение представителя народных стремлений и стало во главе протеста против нового порядка, заводимаго в южной Руси польским дворянством.

В это именно время во главе запорожской общины появляется Петр Конашевич Сагайдачный. Первый раз имя его получает известность в 1605 году, вследствие морского похода, результатом которого было взятие запорожцами сильной турецкой Крепости Варны. В следующем году новый поход упрочил славу предводителя запорожцев и сделал имя его популярным

во всей Южной Руси. В 1606 году запорожцы, под предводительством Сагайдачного, напали на Кафу (Феодосию), сожгли в гавани турецкий флот, взяли крепость и освободили многочисленных христианских пленников, для продажи которых в Крыму Кафа составляла центральный рынок. Затем следовал целый ряд морских походов на турецкия владения; походы эти всегда сопровождались успехом и имя Сагайдачного приобрело во всей южной Руси уважение и авторитет, которыми до того времени не пользовался ни один из вождей козацких.

Польское правительство смотрело неприязненно на усиление Запорожья и на образование в Сечи быстро развивавшагося ядра козацких движений, тем более, что среди, заселенной и захваченной помещиками, Украины все более и более уяснялось сознание в том, что Запорожье составляет естественную точку опоры для народного протеста. Но польское правительство было в то время занято трудною войною с Московским государством; вмешавшись во внутренния смуты этого государства и желая эти смуты обратить в свою пользу, король Сигизмунд III мечтал о непосильной для него задаче — о завоевании Москвы и овладении престолом Иоанна Грозного. Продолжительная война, возникшая вследствие этих стремлений на восточном рубеже Речи Посполитой, не позволяла польскому правительству заняться энергически приведением в порядок козачества; оно ограничилось тем, что объявило запорожцев послушниками и предводителя их вождем самозванным, рядом указов приказывало запорожцам расходиться по домам, не предпринимать набегов на турецкия владения и не входить вооруженными отрядами в пределы заселенной Украины, угрожало, в случае их ослушания, употребит против виновных вооруженную силу и подвергнуть их строгим наказаниям и, наконец, запретило доставлять в Запорожье съестные припасы.

Но все эти мероприятия оказались недействительными, так как у правительства не было достаточных сил для приведения в исполнение своих предписаний. Конашевич не только продолжал ходить в походы против

турок, но стал причислять к своему войску целыя области заселенной Украины, по мере того, как жители этих областей обращались к нему, изгнав помещиков и заявив о своем желании причислится к козацкому войску. Так до нас дошло сведение о том, что в 1618 году жители местечек и сел, расположенных в обширной местности в бассейнах Тетерева и Ирпеня образовали козацкия сотни и признали себя составною частью запорожскаго войска.

Вместо того, чтобы укротить это поступательное движение Запорожья, королевское правительство принуждено было косвенно утвердить его. В том же 1618 году королевич Владислав предпринял решительный поход с целью отстоять свои права на Московский престол. Он достиг самой столицы, но здесь, вследствие неуплаты жалованья армия его ушла домой и королевич остался с ничтожною горстью войска среди неприятельской земли. Выручить королевича из неминуемой гибели нужно было всякими возможными средствами и польское правительство должно было обратиться с просьбою о помощи к гонимому и непризнанному им Запорожью. Петр Конашевич принял предложение польскаго правительства; во главе 20,000 козаков, Сагайдачный двинулся через Северщину в пределы Московскаго государства, взял города: Ливны и Елец, развеял вышедшия ему на встречу из Москвы ополчения, состоявшия под начальством воевод, князей: Пожарскаго и Волконскаго, переправился через Оку и вошел в стан королевича; последний был таким образом спасен и мог удалится в отечество, заключив выгодное перемирие. За то помощь, оказанная Сагайдачным королевичу в трудную минуту, не осталась без последствий для козачества. Из московскаго похода Петр Конашевич возвратился уже не в Запорожье, а в Киев и принял в свое управление, с титулом гетмана, ту часть заселенной Украины, которая признавала себя козацкою. Польское правительство не дало на то явнаго своего согласия, но, в виду недавней услуги и военной силы Сагайдачнаго, не заявило протеста; между тем гетман воспользовался своим положением для того, чтобы еще теснее связать

козацкое дело с народным, приняв под свое заступничество религиозные интересы страны. Воспользовавшись в 1620 году временным пребыванием в Киеве иерусалимского патриарха Феофана, он склонил этого святителя рукоположить нового православного Киевского митрополита и 5 православных епископов для пяти епархий, иерархи которых перешли в унию. Таким образом, благодаря авторитету козацкого гетмана, восстановлена была для дальнейшей борьбы с унией православная иерархия южно-русского края, за отсутствием которой православию угрожала настоятельная опасность неравномерной борьбы с униатами. Этот смелый шаг не вызвал разрыва с польским правительством, благодаря опять внешним обстоятельствам: в 1620 году Польше угрожало нашествие турецкое, превосходившее размерами все, доселе бывшая, столкновения с Турцией. Султан Осман во главе почти полумиллионной турецко-татарской армии, стоял на Днестре, похваляясь обратить Польшу в турецкую провинцию. Стянув все свои силы, поляки могли противопоставить туркам только ополчение в 57,000, которое, под предводительством Королевича Владислава и гетмана Ходкевича, и укрепилось в лагере у Хотина. Королевич обратился вновь за помощью к Сагайдачному. Гетман свиделся с королевичем на пути его, во Львове, и обещал двинуться на выручку польской армии, под условием, что правительство признает власть козацкого гетмана на Украине, отменит распоряжения, стеснительныя для козачества, и откажется от поддержки того старшаго над реестровыми (т. е. признанными правительством) козакам, котораго власть оно признавало поныне исключительно законною; королевич изъявил согласие на эти условия, хотя исполнение их зависело исключительно от сеймоваго постановления, и сменив бывшего тогда старшаго реестровых козаков — Бородавку, выдал его Сагайдачному, под начальство котораго и поступило реестровое ополчение.

Конашевич немедленно двинулся с 40.000 отрядом козаков к Хотину и соединился с польскою армиею. Все усилия турок были бессильны сломить соединенныя силы христиан и, после 40 дней осады и многочисленных

отбитых приступов, Осман должен был удалиться в пределы своих владений; главным героем этой блестящей защиты Хотина был Петр Сагайдачный; его опытности, храбрости и решимости даже польские писатели приписывают по преимуществу успешный исход кампании.

Но на этот раз гетман заплатил жизнью за свою деятельность: покрытый ранами, полученными во время Хотинской осады, он возвратился домой лежа в карете, подаренной ему королевичем, и в сопровождении королевского медика. В начале следующего года 10 апреля 1622, Сагайдачный скончался в Киеве, разделив по завещанию свое имущество между женою и братскими школами: Киевскою и Львовскою. Погребен был Сагайдачный в церкви Богоявленской Киевского братства; но место его могилы напрасно искал бы теперь любитель местной старины. При перестройке церкви в начале XVIII столетия, она пришлась под помещение новой стены храма и исчезла от взоров потомства.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

1647—1657 г.г.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ.

1647—1657 г.г.

Богдан Хмельницкий, знаменитый гетман и освободитель Малороссии, был сын Чигиринскаго сотника Михаила Хмельницкаго. Время рождения Богдана в точности не известно; из сопоставления же хронологических

данных последующей его жизни нужно предположить, что он родился в конце XVI в. Первоначальное образование Хмельницкий получил в Киевской братской школе, после чего он, по словам польских историков, учился в Ярославле (Галицком) у тамошних иезуитов. Из обстоятельств последующей жизни Хмельницкого видно, что, помимо природного своего ума и дарования, он обладал также и значительным для своего времени образованием; так, он свободно владел польским и латинским языками, к которым впоследствии присоединил знание языков турецкого и французского.

Окончив образование, Хмельницкий, подобно Сагайдачному, поступил на службу в ряды козацкого войска и участвовал в польско-турецкой войне (1620—1621 г.), в которой был убит его отец, а сам он попал в плен к туркам и пробыл два года пленником в Константинополе. Получив свободу, Хмельницкий возвратился в Запорожье и время от времени принимал на себя организацию морских походов запорожцев на турецкие города. Самым удачным из таких походов был его черноморский поход в августе 1621 года. В то самое время, когда гетман Сагайдачный под Хотинем мужественно отбивал приступы многочисленных войск Османа, молодой Хмельницкий,

собрав до 10 тысяч отважных запорожцев, спустился с ними Днепром на чайках в Черное море, где разбил и потопил 12 турецких галер, а остальной турецкий флот преследовал до самого Цареграда. Не менее известен и другой черноморский поход Богдана в 1629 году, когда козаки, под его предводительством, „окурили мушкетным дымом" самые стены Цареграда, сожгли предместья столицы и с богатой добычей благополучно возвратились в Сечь. После многих лет службы на Запорожьи, Хмельницкий вернулся на родину в Чигирин, женился на переяславке Анне Сомковне и получил звание сотника Чигиринского.

Внутреннее состояние Малороссии в это время было крайне печально. Стремление дворян к приобретению имений в степной полосе Украины во второй четверти XVII в. еще более увеличилось, а рядом с ним сделало новые

успехи и закрепощение бывшего дотоле свободным местного народонаселения. В то же время, благодаря успехам католической и униатской пропаганды, большинство русских дворянских родов, путем воспитательного влияния в иезуитских школах и брачных связей с польским дворянством, изменило вере и народности своих отцов и этим порвало последнюю нравственную связь с народной массой, а усвоение условий и обстановки быта и образа жизни польской шляхты, с ее расточительностью и страстью к роскоши и дорого стоящим развлечениям, требовало от южнорусских дворян огромных средств, кои они старались извлечь из своих имений. Сами помещики не любили заниматься хозяйством, а предпочитали отдавать свои имения в аренду евреям и другим искателям легкого обогащения, передавая им вместе с этим все свои державные права над крестьянами и даже право подвергать их смертной казни. Облеченные столь широкими полномочиями, евреи арендаторы не знали никакой меры в обирании крестьян в эксплуатации их труда: сверх натуральных повинностей, они облагали особым денежным сбором все статьи крестьянского хозяйства, держали в откупу торги, проезжая дорога, реки и угодья и на каждом шагу брали мыта, наконец они держали в своих руках ключи от православных церквей и всякий раз взыскивали особую плату за право совершения богослужения и других христианских таинств и обрядов. Все эти обстоятельства усиливали помещичий гнет над крестьянами до крайней степени. Недовольные по прежнему массами убегали на Запорожье и нередко предпринимали оттуда вооруженные походы против своих притеснителей. Но польское правительство, не отвлекаемое более внешними войнами с соседями, быстро принимало нужные меры и в пору усмиряло возстания. К тому же, выделив так называемых „реестровых“ козаков в особое привилегированное сословие, правительство раздружило их с козачеством запорожским и разъединило их интересы; поэтому в минуты возстаний, поднятых крестьянством или исходивших из среды непризнаваемого правительством козачества, реестровые козаки

обыкновенно держали себя в стороне или же явно помогали полякам, за то, с другой стороны, добиваясь у правительства обещанных прав и нередко поднимая из-за этого возстания, реестровые козаки не находили поддержки в народе, так как боролись не за интересы народа. Таковы были причины безуспешности возстаний под предводительством: Тараса Трясялы (1630 г.); Павлюка (1637 г.), Остряницы и Гуни (1638 г.) и др. Все эти возстания только ухудшали положение малороссийского народа и подвергали его всякий раз многочисленным казням и другим жестокостям со стороны усмирителей поляков, а в 1638 г. правительство решилось совершенно уничтожить звание козацкого гетмана и подчинило козаков власти особых чиновников, назначенных им из лиц шляхетского звания, в видах же прекращения побегов крестьян за пороги возобновлена была на Днестре Кодацкая крепость, незадолго пред тем разоренная запорожцами.

В этих возстаниях Хмельницкий, как кажется, не принимал личного участия, так как понимал всю их бесплодность. За то он неоднократно участвовал в козацких депутациях, посылаемых на сеймы и к королю с жалобами на разного рода насилия, претерпеваемые козаками и малороссийским народом, и с ходатайством о защите их прав. В одну из таких поездок он был послан королем Владиславом IV во Францию для переговоров на счет доставки козаков во французскую службу для войны с Испанией, следствием чего было то, что 2400 охотников из козаков отправились во Францию и в 1646 г. участвовали при взятии Дюнкерна у испанцев.

Усмирив возстания на Украине и подчинив козаков власти правительственных чиновников, поляки наводнили Малороссию жолнерами и со всею необузданностью принялись угнетать местное население. Это было тяжкое время в истории Украины. Самоуправство и своеволие поляков не имели пределов. Жертвой такого самоуправства суждено было стать и самому Богдану Хмельницкому. В 1646 г. чигиринский подстароста шляхтич Чаплинский силой отнял у Хмельницкого его родовой хутор Субботово и при

этом подверг десятилетнего его сына стол жестоким побоям, что ребенок на другой день умер. Хмельницкий позвал Чаплинского к суду, ездил даже жаловаться на него лично королю, но не получил никакого удовлетворения, потому что при тогдашнем беззаконном положении малорусского населения козаку нечего было и думать тягаться с польским шляхтичем. Рассказывают, будто сам король Владислав дал такой ответ Хмельницкому на его жалобу; „Вы воины и носите сабли, кто вам за себя стать запрещает?" Оскорбленный Хмельницкий решился последовать королевскому совету и с оружием в руках выступить на защиту своих прав, а вместе с тем и прав обездоленной своей родины: он задумал поднять в Украине возстание. В этих видах он стал подыскивать в среде козаков сообщников для задуманного предприятия; когда же на него донесли коронному гетману Потоцкому и последний отдал приказ арестовать его, то Хмельницкий, выманив хитростью у Черкасского полковника Ивана Барабана королевскую грамоту на увеличение числа козацкого войска и право строить чайки для морских походов против турок, в декабре 1647 года бежал с нею на Запорожье. Собрав запорожцев на раду, Хмельницкий сообщил им о своем предприятии и встретил с их стороны полное сочувствие, причем они провозгласили его своим гетманом. Запорожские агенты разсеялись по всей Украине и начали готовить народ к вооруженному возстанию против поляков. Крестьяне заволновались и целыми толпами стали бегать за пороги. Сам же Хмельницкий отправился в Крым и, пользуясь существовавшим в то время недружелюбными отношениями хана к Польше; легко убедил его оказать козакам вооруженную помощь.

Слухи о действиях Хмельницкого достигли Украины и польские гетманы Потоцкий и Калиновский двинул против него реестровых козаков и небольшой отряд польской конницы. Но козаки перешли на сторону Хмельницкого, польский же отряд был разбит на голову соединенными силами запорожцев и татар 8 мая 1648 года, на урочище „Жовти Воды"¹⁾,

¹⁾ В нынешнем Александрийском у. Херсонск. Губ.

причем был убит предводитель отряда, молодой сын коронного гетмана, Стефан Потоцкий. Узнав об этом, польские гетманы двинулись со всеми силами против Хмельницкого и встретились с ним у Корсуня²). Здесь 16 мая произошла битва, в которой польское войско понесло полное поражение. Оба предводители Потоцкий и Калиновский попали в плен и были отданы союзникам Хмельницкого, татарам; вся артиллерия; военные запасы ж панские обозы достались победителям. Поляки, бежавшие с поля сражения, попадали в руки крестьян, которые или убивали их, или связанными приводили к своему гетману.

²) Мест. Каневского у. на р. Роси.

Корсунская победа сразу произвела решительный переворот в положении тогдашней Малороссии. Крестьяне повсеместно бросали свои обычные занятия, объявляли себя козаками и спешили стать под знамена Хмельницкаго. В целой Украине, по обе стороны Днепра, разом вспыхнуло всеобщее народное возстание. Началась жестокая расправа раздраженного народа с своими притеснителями, и во всех концах Малороссии потекли реки

крови. Крестьяне и козаки повсюду опустошали панские усадьбы, убивали их владельцев, управляющих и арендаторов, жгли и разоряли католические костелы и безжалостно истребляли ксендзов и иезуитов. Самой жестокой мести подверглись евреи: возставшие не оказывали им ни малейшей пощады и повсеместно предавали их поголовному истреблению. Все, что было нерусского и неправославного в Украине, объято было ужасом: помещики бросали свои богатства и спешили спасти свою жизнь бегством в Польшу; за ними бежали все поляки и евреи. Таким образом, Украина разом была очищена от всего, что доселе угнетало и разоряло ее, и коренное население ее очутилось на полной свободе. Хмельницкому оставалось только стремиться к тому, чтобы довести до конца столь счастливо начатое дело освобождения Малороссии и политически закрепить новый общественный порядок в ней. Но даровитый вождь не сразу возвысился до понимания той высокой задачи, исполнение которой так неожиданно выпало на его долю. Вместо того, чтобы немедленно двинуться на Польшу, где в то время, по случаю внезапной смерти короля Владислава IV, наступил период безкоролевья, Хмельницкий целых четыре месяца провел в бесплодных переговорах с поляками и дал им возможность собрать против него новое ополчение. В сентябре 1648 г. Хмельницкий встретил под м. Пилявою³) это ополчение, состоявшее из 36,000 шляхтичей, соперничавших друг перед другом блеском и роскошно своих нарядов и вооружений. После незначительных стычек, войско это, устрешенное известием, будто на помощь Хмельницкому пришла многочисленная татарская орда, вдруг предалось постыдному бегству, оставив в руках козаков свои богатые обозы. Хмельницкий двинулся к Львову, взял с него денежный выкуп и осадил польскую крепость Замостье⁴). Пред ним был открыт путь на самую столицу Польши, Варшаву, но он безцельно простоял месяц под Замостьем, ожидая, чем окончатся происходившие в то время в Польше выборы нового короля, и почему-то усердно заботясь о том, чтобы престол достался брату умершего короля; Яну

³) Мест. Литинск. у. Подольск. губ., при р. Икве.

Казимиру, бывшему иезуиту и папскому кардиналу. Когда же последний, по своем избрании на польский престол, прислал к нему письмо с приказанием прекратить войну и ждать королевских комиссаров для переговоров об условиях мира, то Хмельницкий в декабре возвратился в Киев, где; при звоне колоколов и громе пушек, был встречен высшим духовенством и народом и приветствован как, „новый Моисей“, освободивший Украину от польской неволи.

Слава о могуществе козаков быстро разнеслась по соседним государствам, и к Хмельницкому в Переяславль стали прибывать одни за другими посольства: из Турции, Молдавии, Валахии и от седмиградского князя с предложением дружбы и союза против поляков. Из Москвы также приехал посланник царя Алексея Михайловича и привез гетману царские подарки. Наконец к Хмельницкому явились польские комиссары и вручили ему от имени короля грамоту на гетманство, булаву и знамя. Созванные Хмельницким на раду, козаки встретили крайне враждебно послов королевских и не хотели и слышать о каких-либо переговорах с ними. Сам Хмельницкий ясно сознавал всю бесплодность переговоров о мире с Польшею и в откровенной беседе с комиссарами высказался, что у него есть план вырвать из польской неволи весь русский народ по Люблин и Краков, освободить всю Украину, Волынь, Подолье и Русь Галицкую и соединить их в одно независимое княжество. Уступая, однако, усиленной просьбе королевских послов, Хмельницкий согласился трактовать с ними о мире и предложил следующие главные свои условия: полное уничтожение в пределах всей Руси унии и замещение всех чинов и должностей в ней исключительно лицами православного исповедания; предоставление киевскому православному митрополиту места в сенате; зависимость гетмана Малороссии единственно и непосредственно от власти самого короля, и наконец, безусловное воспрещение евреям жить на Украине. Как ни умеренны были эти требования Хмельницкаго, польские комиссары не

⁴) Уездный г. Люблинск. губ. на р. Вепрже.

согласились, однако, подписать их и уехали ни с чем. Война должна была снова возгореться, и обе стороны стали готовиться к ней.

Лишь только в Малороссии распространилась весть о новом походе против поляков, как под знамена Хмельницкого стали стекаться охотники со всех концов края. Даже мещане в городах бросали свои ремесла и торговлю и вместе с своими войтами, райцами и бурмистрами шли записываться в казаки. Хмельницкий разделял весь подвластный ему край на 24 полка, из коих 12 находилось на правой и 12 на левой стороне Днепра. Во главе управления каждым полком был поставлен полковник и полковая старшина: обозный, писарь, судья и хорунжий. Полки делились на сотни, управляемые сотниками и сотенной старшиной. Верховное управление краем принадлежало гетману и состоявшей при нем генеральной или войсковой старшине. Все козацкие старшины совмещали в своих руках военную и административную власть, каждый в своем районе, и были избираемы на „радах" или сходках и утверждены гетманом. Такой порядок издавна существовал в козацком войске, но теперь он был распространен Хмельницким на все население подвластного ему края. Весной 1649 года Хмельницкий, в сопровождении крымского хана Ислам-Гирея с татарской ордой, выступил в поход и осадил польское войско под Збаражем⁵). У поляков было очень мало запасов и в их лагере скоро открылся голод и повальные болезни. На помощь осажденным двинулся с двадцатитысячной армией сам король Ян Казимир, по задолго перед тем подучивший от папы освященное знамя и меч с благословением на истребление схизматиков, и остановился в м. Зборове⁶), недалеко от Збаража 5 августа, когда польские войско стало переправляться через реку, Хмельницкий с татарами неожиданно напал на поляков и истребил всех, успевших переправиться на другой берег. Оставшиеся столпились вокруг короля и окружили себя окопами. На другой день утром казаки с яростью бросились на неприятельский лагерь и разом с двух сторон ворвались в него. Плен короля

⁵) Город в Галиции на р. Гнезне, к югу от Кременца.

казался делом неизбежным. Но в этот момент Хмельницкий вдруг крикнул: „згода"! и неожиданно отдал приказание войскам прекратить атаку. Ян Казимир с остатком своей разбитой армии был спасен. Один украинский летописец объясняет этот поступок Хмельницкаго особенным почтением его к особе короля и нежеланием допустить, чтобы христианский монарх достался в татарскую неволю.

Спасенный великодушием Хмельницкаго от неминуемой опасности, король вступил с ним в переговоры о мире; после чего заключен бил в Зборове договор с козаками на следующих условиях: гетман признавался верховным начальником козацкаго войска, котораго положено было иметь 40,000 и которое могло быть набрано из жителей Малороссии в пределах теперешних губерний: Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской и части Подольской. В пределах этого края не должны были квартировать польския войска и не могли жить евреи. Все должности в Малороссии должны быть предоставлены лишь православным. Иезуиты не могли жить в Киеве и в других местах, в коих находились русския школы. Киевский православный митрополит получал место в сенате; относительно же унии король обязался выхлопотать особое сеймовое постановление, благоприятное для православных.

⁶) Мест. в Галиции при р. Стрыпе, к югу от Бродов.

Условия

Зборовского договора, в связи с поведением Хмельницкого в битве под Збаражем, ясно показывают, что в то время даровитый козацкий вождь весьма еще смутно понимал свое историческое призвание и, кажется, совсем не предвидел того конечного исхода, какому естественною силою обстоятельств привело его поднятое им дело. Позже, умудренный горьким опытом, понесший ряд неудач и тяжелых разочарований, Хмельницкий многому научился и на многое стал смотреть другими глазами; но в тот

момент он не был достаточно подготовлен к той великой роли, какая неожиданно выпала на его долю, и потому не был в состоянии вести дело так, как указывала ему судьба и желания народа. Вместо того, чтобы воспользоваться до конца плодами счастливой победы и, взяв в плен короля, идти в самую глубь Польши, разрушить в ней аристократический порядок, столь враждебный интересам русского населения, и тогда уже предписать полякам такие условия мира, которые были бы направлены к окончательному политическому освобождению русских областей и обеспечивали бы в будущем возможность добрых соседских отношений к ним Речи Посполитой, — Хмельницкий заключает с поляками договор, который может быть и удовлетворил бы несколько народным требованиям, если бы заключен был лет двадцать назад; но теперь, когда бурные события последних лет так резко изменили положение вещей в общественной жизни Малороссии, когда во всем крае не оставалось более ни одного помещика, ксендза и еврея, Зборовский договор решительно не соответствовал условиям своего времени и изменившимся обстоятельствам. Столь же мало соответствовал он политическим и социальным требованиям народной массы, с которыми Хмельницкий на этот раз разошелся более, чем когда либо. Выросши в среде польско-шляхетского общества и воспитанный в свойственных этому обществу привычках и понятиях, Хмельницкий сжился с теми порядками, на которых основывался тогдашний политический и общественный строй Речи Посполитой, и потому нельзя было и ожидать, чтобы он сразу же стал на сторону народного общественного идеала, совершенно отрицавшего эти порядки. Вот почему Хмельницкий не сразу отважился разорвать политическую связь Малороссии с Польшей, как того видимо хотело возставшее население. Ему казалось, что достаточно было обеспечить свободу веры и независимое положение православной церкви, оградить Малороссию от возвращения ненавистных народу евреев и постоянных буйных жолнеров, увеличить число постоянного козацкого войска, — и все поводы к недовольству польским владычеством в Малороссии исчезнут

навсегда. В этом заключалась крупная политическая ошибка со стороны Хмельницкаго, не принявшего во внимание при заключении Зборовскаго договора желаний малорусскаго народа, стремившагося к полному разрыву с католическо-шляхетной Польшей. Но в тех же Зборовских статьях коренилась и другая, еще более важная ошибка, имевшая самое губительное влияние на дальнейший ход начатаго Хмельницким дела. По смыслу этого договора, из всего населения Малороссии только 40 тысяч человек, которые имели быть внесенными в так называемый „реестр" козацкаго войска, выделялись в свободное козацкое сословие, получавшее в собственность земельные участки и не имевшее других обязанностей, кроме военной службы; остальная же громадная масса простаго народа должна была снова вступить в обязательныя отношения к прежним своим помещикам, возвращение коих в свои имения на Украине было обеспечено Зборовским договором. Это была величайшая несправедливость по отношению к громадному большинству населения Малороссии. Возстание, поднятое Хмельницким; обязано было своим успехом именно тому обстоятельству, что в нем участвовало не одно лишь козацкое сословие, как в прежних козацких бунтах, а весь народ, уверенный в том, что здесь дело шло прежде всего о его освобождении от гнета владельцев и их арендаторов; вот почему население с такою энергиею занялось повсюду изгнанием и истреблением поляков и евреев. По заключении же Зборовскаго мира оказывалось, что плодами целаго ряда блестящих побед, достигнутых усилиями всего малороссийскаго народа, должно было воспользоваться лишь относительно ничтожное число избранников. Простой люд увидел в этом предательство со стороны Хмельницкаго его интересов, и с этого времени прежняя популярность и обаяние имени гетмана на Украине были значительно подорваны. Можно сказать, что Збаражская битва завершила собою первый, блестящий период истории войн Хмельницкаго: то была кульминационная точка силы и могущества малорусскаго народа и славы его счастливаго вождя; за нею начинается другой период, богатый бедствиями и тяжелыми

испытаниями.

Конечно, все эти губительные последствия Зборовского договора обнаружились не сразу. Первые дни по его заключении и по удалении из пределов Украины польских войск были, напротив, временем всеобщих восторгов в Малороссии. Тогда-то, вероятно, и был сложен торжественный стих известной украинской думы:

„Та немає лучче, та немає краще,

Як у нас на Вкраїни:

Що немає пана, що немає жида,

Не буде й унії”!

Распустив ополчение, Хмельнидкий осенью 1649 года занялся составлением реестра козацкаго и приведением в лучшее состояние военных и гражданских порядков в Малороссии. Он старался набирать реестровых козаков преимущественно из крестьян более знатных панов в Украине и особенно из имений злейшаго врага козаков, известного отступника русской веры и народности, князя Иеремии Вишневецкаго, владевшего большей половиной теперешней Полтавской губернии. Не стесняясь определенной в Зборовском договоре цифрой козацкаго войска, гетман записал в него несколькими тысячами больше, чем следовало. Каждый реестровый козак становился полным собственником известного участка земли, коим он пользовался, живя у своего помещика. Кроме того у панов были отобраны Хмельницким целыя волости и обращены в так называемыя „ранговыя” поместья, отдаваемыя в пользование козацким чиновникам, пока они сохраняли за собою известную должность в войске. На гетманскую булаву было отдано королем целое староство Чигиринское, отчего Чигирин стал с тех пор резиденцией гетмана и как бы столицей Малороссии.

Хмельницкий разделил всю Малороссию на 16 полков, из коих каждый занимал определенную территорию с полевым и сотенными городами и селами. Эти полки были следующие: 1) Чигиринский, имевший 19 сотен; 2) Черкасский с 18 сотнями; 3) Каневский—с 16 с.; 4) Корсунский—с 19 с.; 5)

Белоцерковский; 6) Уманский—с 14 сот.; 7) Браславский—с 22 с.; 8) Кальницкий с 19 с.; 9) Киевский—с 17 сот.; 10) Переяславский—с 19 с.; 11) Кропивянский—с 10 с.; 12) Миргородский—с 16 с.; 13) Полтавский—с 19 с.; 14) Прилуцкий—с 20 с.; 15) Нежинский с 10 с. и 16) Черниговский—с 7 сотнями. Пространство, обнимаемое этими полками, было довольно велико; вот его границы: на З. р. Горынь с Случью и Днестр до впадения в него р. Егорлика; на С. Припеть, Десна и Сейм у устья Клевани; на В. верхнее течение рек: Сейма, Суллы, Псла и Ворсклы; на Ю. вершины Ингула, Ингульца; Тилигула и Куяльника, по устье Егорлыка. Кроме того, сюда же нужно причислить запорожскую Сечь и принадлежавшая к ней безграничные степи, простиравшаяся по обеим сторонам Днепра. Во многих городах Хмельницким было оставлено прежнее Магдебургское право с общинным самосудом и самоуправлением мещан и с цеховой организацией ремесл; таковы были города: Брацлав, Винница, Черкасы, Васильвов, Овруч, Киев, Переяславль, Остер, Нежин, Мглин, Чернигов, Почеп; Козелец, Новгород-Северск и Стародуб.

Не успел Хмельницкий окончить регистрацию козацкого войска, как против него обнаружилось сильное волнение и недовольство в среде простонародья, не вошедшего в козацкий реестр. Уступая этому движению, гетман объявил, что, кроме реестровых, могут быть еще и охочие полки, куда можно идти всякому. Между тем на Украину стали возвращаться изгнанные

раньше помещики-поляки и начали требовать от своих подданных восстановления прежних обязательных отношений. Крестьяне ни за что не хотели исполнять их требований и в большинстве случаев снова изгоняли или убивали своих панов. Гетман вынужден был не раз издавать универсалы, в коих строго приказывал, чтобы не вошедшие в реестр повиновались своим прежним помещикам, ослушникам же угрожал казнями. Это еще более раздражало крестьян и они с новым ожесточением избивали владельцев и жгли их усадьбы.

К тому же многие богатые паны возвращались в свои имения с вооруженными отрядами из своих слуг и тотчас принимались разыскивать и безчеловечно наказывать зачинщиков прежнего мятежа. Это вызывало крестьян на новые жестокости, и гетман напрасно старался утратить их тем, что, по жалобам владельцев, вешал и сажал на кол непослушных.

В то время, как Хмельницкий употреблял все усилия к точному исполнению с своей стороны условий Зборовского договора, вооружая лишь тем против себя народную массу, поляки и не думали соблюдать своих обязательств. Когда киевский митрополит Сильвестр Коссов отправился в Варшаву, чтобы занять обещанное ему по договору место в сенате, то высшее католическое духовенство подняло столь сильную агитацию против допущения в сенат „схизматика“, что он вынужден был возвратиться ни с чем. В то же время польские военачальники нисколько не стеснялись, вопреки договору, переходить за условленную черту на козацкую землю; так коронный польский гетман Потоцкий, незадолго пред тем освободившийся из татарского плена, расположился с своими жолнерами на Подольи и занялся укрощением хлопков, которые, соединяясь в шайки, под именем „левенцов“, вели открытую войну с польским войском. Самый Зборовский договор, хотя и был заключен и подписан лично королем, в глазах поляков не считался имеющим полную законную силу, так как не был еще утвержден сеймом. Такой сейм был созван лишь в декабре 1650 года. К его открытию явились и козацкие депутаты, привезшие, между прочим, требования: чтобы

уния во всех русских областях была совсем уничтожена; чтобы четыре знатнейших польских пана непременно жили в своих украинских имениях в качестве заложников, имеющих служить порукою в точном выполнении с польской стороны условий Зборовского договора, и чтобы малорусский народ не терпел никаких стеснений от панов. Эти требования (особенно же первое) произвели столь сильное негодование среди поляков, до крайности фанатизированных католическим духовенством, что они и слышать не захотели о каком-либо соглашении „с подлыми хлопами“, и Зборовский договор, вопреки энергическим усилиям короля, был отвергнут сеймом. Решено было снова продолжать войну с козаками.

Поляки деятельно вооружались. Папа прислал королю мантию и освященный меч и объявил отпущение грехов всякому, кто пойдет на войну против схизматиков. К Хмельницкому также приехал из Греции коринфский митрополит Иоасаф и препоясал его мечем, освященным на самом гробе Господнем. Но популярность Хмельницкого среди украинского населения была уже значительно подорвана и в войске козацком не было уже прежнего воодушевления. Кроме того, народу была не по душе дружба гетмана с татарами, которые и в качестве союзников не стеснялись грабить русские поселения и уводить в плен женщин и детей. Весною 1651 года Хмельницкий двинулся к Збаражу и долго простоял здесь, поджидая крымского хана. Последний, наконец явился, но не по своей охоте, а по приказанию турецкого султана. Татарам не хотелось нарушать выгодного для них Зборовского договора с поляками; их более тянуло в пределы Московского государства, с которым Хмельницкий был дружен. 19 июня козацкое ополчение сошлось с польским войском, остановившимся лагерем на обширном поле под Берестечком⁷⁾. На другой день началось сражение, в самый разгар коего крымский хан с своими мурзами неизвестно почему вдруг стремительно обратился в бегство, а за ним в безпамятстве побежала вся орда, побросав свои арбы с женщинами и детьми. Хмельницкий бросился догонять хана,

⁷⁾ Мест. Дубенского у. Волынк. губ., на р. Стыре.

надеясь остановить его, но был им задержан и совершенно неожиданно очутился у него в плену. Между тем, лишенные своего предводителя, козаки, под начальством полковника Джеджалыка, храбро отбивали натиск поляков и, обороняясь, отступили к р. Пляшовой, где засели в укрепленном лагере, три стороны коего были защищены окопами, а к четвертой примыкало большое болото. Польские войска тотчас окружили козацкий лагерь и принялись брать его приступом. Десять дней осажденные неутомимо отбивались от превосходившаго их численно неприятеля, и хотя обнаруживали готовность сдаться, но не иначе, как на условиях Зборовсваго договора. Но вот в козацкий лагерь проникло известие, что татары пленили гетмана и разоряют край, — и породило здесь большое смятение. Чернь стала высказывать намерение выдать полякам своих старшин, в виду чего полковник Богун, раньше сменивший Джеджалыка, задумал тайно уйти с козаками из лагеря. В ночь на 29 июня козаки устроили на скорую руку плотину через болото и стали переправляться на другую сторону. Узнав об этом, чернь в беспамятстве и в страшном беспорядке бросилась вслед за уходившими. Плотина была разрушена и беглецы стали тонуть. Поляки не сразу сообразили, в чем дело, и лишь утром заняли оставленный козаками лагерь и принялись добивать бегущаго неприятеля. Много русских было убито, а еще более их потонуло. В числе первых пал и Коринфский митрополит Иоасаф, тщетно старавшийся остановить бежавших. Разгромив неприятеля, польское войско двинулось на Украину уничтожать козачество.

Между тем Хмельницкий более месяца пробыл в плену у хана и лишь в конце июля, освободившись, он прибыл в м. Паволочь, куда стали стекаться к нему полковники с жалкими остатками своих отрядов. Берестецкое поражение повергло козаков в страшное уныние. Народ волновался и всю ответственность за случившееся несчастье сваливал на гетмана. К чести Хмельницкаго нужпо сказать, что он один не потерял головы в это бедственное время и обнаружил такой запас мужества, энергии, ума и силы воли, какого трудно было и ожидать от человека в его положении. Он собрал

козаков на раду на Масловом Броде⁸⁾и своим непоколебимым мужеством сумел успокоить народ, уверить его, что не все еще потеряно, и вдохнуть в него энергию, Вслед за сим он энергично занялся пополнением козацких полков и скоро успел заручиться новым союзом с ханом и обещанием татарской помощи.

⁸⁾ Где ныне с. Масловка, Каневск. у. Киевск. губ., при впадении р. Потока в Росаву.

Ободренный примером гетмана и в виду угрожавшей опасности, народ воспрянул духом и вооружился поголовно, готовясь оказать полякам отчаянное сопротивление. Лишь только польское войско вступило в Украину, жители лежавших на его пути селений и хуторов жгли собственные дома, истребляли запасы, портили дороги, разрушали мосты и ежеминутно

нападали на отдельные отряды польской армии. Это отчаянное сопротивление приводило поляков в такое неистовство, что, овладев каким-либо селением, они предавали жителей поголовному истреблению, не щадя ни пола, ни возраста. Русские в свою очередь платили полякам тою же монетою и безчеловечно мучили пленных. Козацкое войско оказалось не в состоянии остановить движение многочисленного неприятеля, тем более, что на соединение с поляками с севера двигался с большими силами гетман литовский Радзивилл. Он уже овладел Черниговом и подступил к Киеву. Чтобы произвести замешательство в литовском войске, киевские мещане сами зажгли город, но это ни к чему не повело и 6 августа Радзивилл овладел Киевом. Вслед затем предводители польско-литовских сил сошлись под м.Белою Церковью и по предложению Хмельницкаго вступили с ним в мирные переговоры. К этому их побудило упорное сопротивление малорусскаго народа и недостаток запасов. Переговоры тянулись долго и крайне нерешительно и только открывшееся в сентябре моровое поветрие заставило обе стороны ускорить их. Наконец 17 сентября 1651 года заключен был в м. Белой Церкви договор, по которому козакам предоставлено было, вместо прежних четырех, лишь одно воеводство Киевское, а число козацкаго войска было уменьшено до 20 тысяч; Крестьяне по прежнему должны были работать на своих помещиков, а евреи получали право повсеместнаго жительства в Малороссии.

Лишь только условия Белоцерковскаго мира стали всем известны, в народе возникло сильное неудовольствие против Хмельницкаго. Чернь прямо в лице упрекала гетмана, что он заботится лишь о выгодах собственных и козацкой старшины, а простой народ снова отдает панам под палки, батоги, на колы, да на виселицы. Делать было, однако, нечего: приходилось или подчинится помещикам, которые один за другим стали возвращаться в свои имения, или искать новых мест для жительства, где бы не было ни ляхов, ни жидов. Многие из крестьян и козаков предпочли последнее и стали тысячами выселятся в южные пределы Московскаго государства. И прежде, до

Хмельницкаго, после неудачных возстаний Острияницы и Гуни, малороссы не раз убегали за московскую границу, где около Путивля и Рылска появились в то время их слободы; но теперь это выселение приняло вдруг характер огромного массоваго движения. Козаки образовавшагося было Острожскаго полка поголовно переселились на берега р. Тихой-Сосны и основали здесь город Острогожск. Это был первый слободско-украинский козацкий полк в пределах Московскаго царства. Вслед затем в границах теперешних Курской и Харьковской губ. разом возникли многочисленныя малороссийскія слободы, из коих впоследствии возникли многие значительные города, каковы: Сумы, Короча, Белополье, Ахтырка, Лебедин, Харьков и другіе. Сюда стремились украинцы с берегов Буга и Днестра, с Волыни, южнаго Полесья и с других мест. Хмельницкій издавал запретительныя универсалы, а польское правительство хотело силою остановить это эмиграционное движение, но ничто не помогало. Часто переселенцы при помощи оружия пробивали себе дорогу и уходили на излюбленныя места.

Но и крестьяне, оставшіеся на Украине, упорно отказывались повиноваться помещикам. Они составляли вооруженныя шайки, нападали на поляков и в некоторых местах успели перебить стоявших постоем польских жолнеров. Сам гетман чувствовал себя недостаточно безопасным в своем Чигирине и вынужден был казнить нескольких полковников, бунтовавших против него чернь. Чтобы чем-нибудь успокоить недовольство народа, он дозволил записывать в реестр более определеннаго белоцерковскими статьями числа козаков, а сам поджидал лишь удобнаго случая, чтобы окончательно сбросить с себя неудобноносимое иго, наложенное тяжелыми условиями этого договора. Случай такой скоро представился и повод к нему дали сами поляки.

Весною 1652 года старшій сын Хмельницкаго Тимош, с козацким войском и в сопровождении татар, выступил в Молдавию, чтобы жениться на дочери молдавскаго господаря, с которой он уже раньше был сговорен. Не смотря на предостережения со стороны Хмельницкаго, польскій гетман

Калиновский без всякого повода заступил Тимошу дорогу и приказал напасть на сопровождавший его отряд. Произошла жаркая битва, во время которой двадцатитысячное польское войско погибло без остатка и сам гетман Калиновский был убит. Это случилось 22 мая, в урочище Батог⁹⁾, над р. Бугом. Батогская победа послужила сигналом к тому, что польские жолнеры, стоявшие в Малороссии, повсеместно были изгнаны или истреблены, а помещики в страхе бросали свои имения и бежали в Польшу. Польское правительство сильно было раздражено тем, что случилось в Малороссии. Король созвал чрезвычайный сейм и потребовал, чтобы изысканы были средства для окончательного усмирения возаков. Но полякам надоели уже беспрестанная войны и сопряженные с ними жертвы и потому сейм отказал королю в его требовании созвать посполитое рушение, а для содержания наемных войск правительство не располагало нужными средствами. Таким образом военные действия против Хмельницкаго были отложены на неопределенное время.

Но и положение другой воевавшей стороны не было особенно благоприятно, и старый гетман как нельзя лучше сознавал это. Война с Польшей обещала затянуться в бесконечность, так как становилось очевидным что поляки согласятся... погубить свое отечество, нежели отказаться от русских...и предоставить украинцам известную свободу. Между тем шестилетняя борьба, с ее жертвами и безпристанными тревогами, достаточно уже надломила силы и энергию малорусскаго народа. Было очевидно, что Украина одними своими силами не в состоянии справиться с упорным врагом, и чтобы довести до конца начатое дело, ей необходимы были союзники. В этих видах Хмельницкий раньше уже завел сношения с Турцией, Седмиградским княжеством и даже с Швецией, убеждая их действовать вместе с ним против Польши; но доселе ни одно еще из этих государств не оказало ему нужной помощи. Правда, у козаков были давние союзники татары, но Берестецкое приключение ясно показало украинцам,

⁹⁾ В нынешнем Ольгопольском у. Подольск. губ., около м. Ладыжина.

как мало можно было полагаться им на этих союзников. Скорее и естественнее всего Малороссия могла ожидать помощи и защиты со стороны Московского государства, с которым ее связало единство веры и происхождения. Хмельницкий хорошо понимая это, и его помысли давно уже были обращены на то, чтобы как-нибудь втянуть московское правительство в войну с Польшею. Еще после Зборовского договора козаки грозили великороссийским гонцам, что они пойдут с крымцами на Москву за то, что царь не дал им помощи против поляков. Со времени Берестецкого поражения Хмельницкий стал прямо заявлять приезжавшим к нему московскими боярам о своем желании поступить под высокую руку православного государя. Чем далее, тем чаще он обращался в Москву с этой просьбой. Но царь из опасения разрыва с Польшею долго не решался дать свое согласие на просьбы Хмельницкого, хотя охотно согласился принять посредничество в видах примирения его с королем. Действительно, два месяца спустя после Батогского поражения поляков, в Польшу приехал царский посланник боярин Репнин-Оболенский и, напомнив о некоторых нарушениях с польской стороны условий мирного договора, объявив, что царь готов простить эти нарушения, если польское правительство помирится с Хмельницким на основании Зборовского трактата и уничтожит унию. Но поляки, раздраженные заступничеством царя за их врагов, холодно приняли представления царского посланника и таким образом посольство Оболенского не имело успеха.

Между тем весной 1653 года польский отряд, под начальством Чарнецкого, ворвался в Подолье и подверг страшному опустошению многие местечка и села по р. Бугу, причем несколько тысяч народа было варварски истреблено. Осенью выступил против Хмельницкого сам король с большим войском и остановился лагерем под Жванцем¹⁰⁾, на берегу Днестра. Сюда же прибыл и Хмельницкий с своими союзниками-татарами, которые тотчас распустили загоны по Волыни, Подольи и Червонной Руси и таким образом

¹⁰⁾ Мест. Каменецк. у. Подольск. губ., при впадении р. Жванца в Днестр.

отрезали полякам путь к отступлению. Вследствие наступивших холодов и недостатка в продовольствии, королевское войско очутилось в крайне затруднительном положении: сами поляки думали, что для них повторяются времена Пилявския и Збаражския. Но они спаслись тем, что им удалось заключить отдельно с крымским ханом мир на следующих унижительных условиях: король обязался уплатить хану 100,000 червонцев единовременно и до 90,000 золотых ежегодно и сверх того дозволить татарам в продолжение сорока дней брать пленников в пределах областей, принадлежавших Польше. За то хан отступил от союза с козаками и принудил Хмельницкаго ни с чем возвратиться в Украину. Вслед затем татары, с королевскаго дозволения, страшно опустошили всю Южную Русь до самого Люблина и угнали в неволю тысячи невинных людей. Тогда-то, по словам малороссийской думы:

„Зажурилась Україна

„Що нігде їй дітись:

„Витоптала Орда кіньми

„Маленькіи діти,

„Малих потоптала,

„Старих порубала,

„А молодих-середульших

„У полон забрала"...

6.

BOGUSLAVS CHMIELNICKI

COSACCORVM ZAPORAVIANORVM
DVX GENERALIS.

Теперь все надежды Хмельницкаго были обращены на Москву. Отправляясь в последний поход против поляков, гетман писал царю, что польское войско идет в Украину для поругания веры и святых церквей и что турецкий султан приглашает козаков к себе в подданство. „Если ваше царское величество, писал он, не сжалиться над православными христианами

и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы подобьют нас и мы будем чинить их волю", Теперь уже московское правительство, оскорбленное неудачей посольства Оболенского, склонно было приступить к решительному шагу. Оно не могло долее оставаться безучастным зрителем того, что совершалось в соседней Малороссии, так как подданство козаков Турции могло иметь для него в будущем весьма вредныя последствия. 1 октября 1653 года царь Алексей Михайлович созвал земский собор и предложил на его решение вопрос: принимать ли Богдана Хмельницкаго со всем войском запорожским под царскую руку? Представители русской земли единогласно высказались за утвердительное решение этого вопроса и единодушно обещались помогать царю в предстоящей войне с Польшею. Тогда был послан к Хмельницкому боярин Бутурлин принять Украину под высокую царскую руку.

8 января 1654 года Хмельницкий собрал в Переяславле генеральную раду, на которую прибыли все полковники и старшины козацкие и множество простых козаков и народа; здесь же находились и послы московские. Он обратился к собранию с речью, в которой объяснил, что Малороссии необходимо выбрать себе государя из четырех соседних монархов: султана турецкаго, хана Крымскаго, короля польскаго или православнаго царя восточнаго. Далее он указал на невыгоды подчинения Малороссии власти бусурманских народов, напомнил о бывших притеснениях со стороны поляков и в заключение советовал признать над собою власть единовернаго православнаго царя восточнаго, под высокой рукой котораго Украина найдет благоднейшее пристанище. „А буде кто, прибавил он, с нами не согласен, тот куда хочет: вольная дорога". В ответ на эту речь со всех сторон раздались восклицания: „Волим под царя восточнаго! Боже утверди, Боже укрепи"; чтоб мы навеки были едино". Тогда на раде объявлены были договорныя статьи, на которых совершалось присоединение. Сущность этих статей была такова: Малороссия сохраняла все свои прежние порядки и свое особое управление под властью выборных

старшин, и гетмана, избираемого вольными голосами: гетман имел право принимать послов и сношаться с иностранными правительствами; все малороссийския сословия сохраняли свои старья права и вольности; число козацкаго войска увеличивалось до 60,000, но можно было иметь еще и охочие полки; гетманское правительство обязывалось уплачивать небольшую подать государю, сбор которой был предоставлен местным урядникам, без вмешательства великороссийских сборщиков. С своей стороны царь обещал защищать Малороссию своими войсками и совершенно освободить ее от притязаний Польши.

Из Переяславля царские послы отправились в Киев и в другие большие города для принятия присяги на подданство. Народ повсюду присягал без сопротивления, но высшия малороссийския сословия с некоторым недоверием и опасением за неприкосновенность своих прав и старых обычаев принимали московское подданство. Киевский митрополит и духовенство совсем уклонились от присяги: и даже не допустили к ней своих слуг и вообще людей, живших в монастырских и церковных имениях. Козацкая старшина и примкнувшие к ней во время возстания православные шляхтичи лишь скрепя сердце шли под „московскую протекцию": в их головах составился план независимаго государства из Малороссии.

P. 1

pag. 454

BOGUSLAVS CHMIELNICKI
COSACORVM DVX GENERALIS.

Весною 1654 года царь Алексей Михайлович объявил Польше войну и сам с большими силами двинулся на Литву. Литовско-русское православное население повсюду с радостью встречало русския войска и города один за

другим сдавались без боя. Поляки не могли оказать серьезного сопротивления, и в короткое время русские овладели Могилевом, Полоцком, Витебском и Смоленском. В тоже время Хмельницкий на Украине выдерживал трудную борьбу с польскими войсками, которыя, в союзе с татарами, вторглись на Подолье и произвели здесь страшное опустошение. В следующем 1655 году русские имели большой успех в Литве: они взяли Минск, Ковно и Вильно. Царь Алексей Михайлович торжественно въехал в древнюю столицу Ягеллонов и принял титул великаго князя Литовскаго. В это же время шведский король Карл X с своей стороны начал военныя действия против поляков и скоро овладел Познанью, Варшавой и, наконец, Краковом. А с юга Хмельницкий вступил в Червонную Русь, разбил польское войско под Гродеком и осадил Львов. Польша была на краю гибели и король Ян Казимир бежал в Силезию. Оттуда он дважды присылал к Хмельницкому своих посланцев и униженно умолял его забыть прошлое и не допустить до окончательной гибели его прежнее отечество. Старый гетман равнодушно выслушивал самыя лестныя польскія обещания и неуклонно твердил одно, что мир козаков с Польшей возможен под одним лишь условием: „пусть, говорил он, поляки откажутся навеки от всего, что принадлежало древним княжествам земли Русской, пусть уступят козакам всю Русь до Владимира, Львов, Ярославль, Перемышль и формально объявят ее свободною, подобно тому, как исландский король признал свободными голландцев; тогда мы будем жить с Польшей как друзья и соседи, а не как подданные и рабы, и тогда напишем мир на вечных скрижалях. Но этому не бывать, пока в Польше властвуют паны; не быть же и миру между русскими и поляками”.

Потерпев неудачу у Хмельницкаго, поляки, при посредстве немецкаго посланника, успели склонить к миру московское правительство, подав ему надежду, что по смерти хилаго и бездетнаго Яна Казимира царь русский может быть избран на польский престол и тогда, объединив под своей державой оба государства, ему можно будет, в союзе с другими христианскими государями, обратить оружие против неверных. Кроме того, у

московского правительства был расчет, примирившись с поляками, начать войну против Швеции, чтобы отнять у нея земли, принадлежавшие прежде Новгороду. В этих видах царь согласился открыть переговоры с поляками, после чего в октябре 1656 года был заключен в Вильне мирный договор, по которому поляки обязывались, по смерти Яна Казимира, избрать на польский престол царя Алексея Михайловича, а он за то обещал защищать Польшу от ее врагов и начать войну с Швецией.

Виленски

й мир был спасением Польши, но он разрушил в прах самые заветные планы Хмельницкаго относительно освобождения южно-русскаго народа. Незадолго перед этим гетман, принося царю свою благодарность за содействие к защите и освобождению от поляков Малороссии, усердно склонял его к тому, чтобы не одна Украина, но и Волынь, и Червонная Русь, и вообще все земли, принадлежавшия к древним русским княжествам, были возвращены от Польши и, соединенныя в одно самостоятельное целое, под

высокой царской охраной, пользовались бы миром и народным благополучием. Мысль эта с давняго уже времени составляла предмет пламенных желаний Хмельницкаго и воодушевляла его на дальнейшие подвиги. Он с напряженным вниманием следил за успехами русских войск в Литве и надеялся, что царь в союзе с шведским королем будет продолжать войну до тех пор, пока обезсиленная в конец Польша не только откажется от всех русских областей, но и впоследствии не станет помышлять об отобрании их назад. Он прекрасно понимал, что поляки, пообещав в неопределенном будущем русскому царю королевскую корону, нисколько не думали о серьезном исполнении своих обещаний, а пользовались лишь случаем, чтобы выйти из затруднительнаго положения и как-нибудь протянуть время. Хмельницкий всеми мерами старался раскрыть глаза московскому правительству и представлял ему убедительныя доказательства хитрости и вероломства поляков. Но Москва не хотела понять широких замыслов Хмельницкаго и была глуха к его предостережениям. Вдобавок, когда посланные гетманом козацкие уполномоченные прибыли в Вильно для участия в заключении мирнаго договора с поляками, то московские послы высокомерно заметили им, что Хмельницкий и козаки — подданные и потому не должны иметь голоса там, где решают их судьбу послы государей. Все это сильно огорчало впечатлительнаго гетмана, а затем повергло его в страшную тоску и уныние. Стоя одной ногой в могиле, престарелый Хмельницкий с грустью видел, что десятилетние его труды и усилия не привели начатое им дело к желанному концу, и будущность родной земли представлялась его взорам в печальном виде.

Он не утерпел, однако, пользуясь представившимся случаем, сделать еще одну, последнюю попытку к осуществлению своих заветных желаний: в начале 1657 года он заключил с шведским королем Карлом X и Седмиградским князем Юрием Ракочи тайный договор о разделе Польши. По этому договору, в случае успеха союзников, Украина с остальными южнорусскими землями признавалась навсегда отдельной от Польши.

Действуя согласно условию этого договора, Хмельницкий послал на помощь союзникам 12 тысяч козаков; но поляки известили московское правительство о действиях Хмельницкого, и царь прислал через своих бояр строгий выговор гетману за союз с царскими недругами. Послы застали Хмельницкого больным, едва встававшим с постели; не смотря на это, они настойчиво добились свидания с гетманом, осыпали его упреками и потребовали, чтобы посланный отряд был отозван назад. Это обстоятельство повредило союзникам Хмельницкого и заставило их отказаться от своих притязаний.

Месяца за два до своей смерти Хмельницкий созвал в Чигирине козацкую раду, с тем чтобы на ней был избран преемник ему. Здесь престарелый вождь Украины обратился к козакам с прощальным словом, в котором благодарил их за верность и послушание и между прочим сказал: „Бог знает, братья, чье это несчастье, что не дал мне Господь окончить этой войны так, как бы хотелось: во-первых, утвердить навеки независимость и вольность вашу; во-вторых, освободить от ига польского также Волынь, Покутье, Подолье и Полесье; словом — все земли, которыми владели великие русские князья и преклонить их под высокую руку всероссийского монарха. Богу иначе было угодно. Не успел я окончить своего дела, умираю с величайшим прискорбием, не зная, что будет после меня. Прошу вас, братья, пока я жив, изберите себе при моих глазах новаго гетьмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойно сойду в могилу”.

Козаки, желая сделать приятное своему любимому вождю, выбрали на гетманство несовершеннолетнего сына его Юрия. Старый гетман имел слабость поддаться родительскому чувству и, сознавая неспособность Юрия, утвердить этот выбор, что впоследствии принесло большия бедствия Украине.

День смерти Богдана Хмельницкого точно не известен; по одним указаниям, он умер 27 июля; по другим — около 15 августа 1657 года.

Хмельницкого похоронили в с. Субботове, в построенной им самим

каменной церкви, существующей и до настоящего времени. Но в 1664 году польский воевода Чарнецкий, опустошая Чигиринское староство, сжег Субботов и приказал выбросить из гроба на поругание прах знаменитого гетмана.

ЮРИЙ ЗИНОВЬЕВИЧ ХМЕЛЬНИЦКИЙ.

1641—1685 г.г.

Юрий Хмельницкий сын гетмана Богдана Хмельницкаго и первой его жены Анны Сомковой родился в Субботове в 1641 году. После смерти отца в 1657 году шестнадцатилетний Юрий, в воспоминание заслуг Богдана, был провозглашен гетманом радюю козацких старшин. Вскоре, впрочем, стало

для избравших его делом очевидным, что обязанности гетманския будут не под силу мальчику и, подчинясь совету приближенных лиц, Юрий добровольно сложил гетманскую булаву, которая была вручена генеральному писарю Выговскому, сам же он отправился продолжать образование в киевскую академию, где он начал обучение еще при жизни отца. В 1659 году вследствие Гадячскаго договора, по которому Выговский вновь подчинил Украину Польше, среди козаков и народа украинскаго распространилось сильное раздражение против гетмана Выговскаго и обнаружилось повсеместно стремление низложить его с гетманства и заменить другим лицом. Воспользоваться этим настроением желал шурин Богдана Хмельницкаго Яким Сомко; он созвал раду у м. Германовки, на которой Выговский и был низложен с гетманства; однако Сомку не досталась на этот раз булава; он нашел соперника в молодом племяннике, Юрие Хмельницком; последний; увидев настроение общественнаго мнения враждебное по отношению к Выговскому, принял меры для того, чтобы возстановить права свои на гетманскую должность. Оставаясь в Киеве, он отправил находившагося при нем отцовскаго слугу, Ивана Брюховецкаго, в Запорожье. Здесь Брюховецкий, от имени Юрия, заявил жалобу о том, что Выговский, вопреки избранию рады, лишил Юрия должности, что он овладел войсковою казною, собранною его отцем и злоупотребил доверием народа, подчинившись польской короне; Юрий ходатайствовал, чтобы запорожцы поддержали его права на гетманство.

Ходатайство это было уважено и, благодаря настоянию запорожцев руководивших общественным мнением края и их кошевого атамана, пользовавшагося всеобщим уважением на Украине, Ивана Сирка, Юрий Хмельницкий был провозглашен единогласно гетманом вместо Выговскаго; Сомко должен был преклониться перед племянником и отложить на время свои честолюбивые замыслы. Вслед затем, на новой раде, собранной у местечка Ржищева, на долине Жердевой, козаки постановили отказаться от Гадячскаго договора, заключеннаго Выговским с Польшею и возвратиться

под покровительство Русского царя, причем бить ему челом о расширении статей заключенных Богданом Хмельницким в Переяславле, в смысле усиления гетманской власти и утверждения самостоятельности местной церковной иерархии. Жердевская рада снеслась с этой целью с царским воеводою князем Трубецким, прибывшим в Переяславль. Князь Трубецкой потребовал, чтобы Юрий Хмельницкий и вся старшина прибыла в Переяславль, чтобы козаки принесли прежде присягу на верность царю и тогда уже хлопотали о статьях договора.

Требование это было исполнено: в Переяславле собралась новая козацкая рада, здесь старшины и козаки принесли присягу на верность царю; затем воевода, не признавая прежнего избрания, пригласил собравшихся приступить к выбору гетмана. Избран был единогласно Юрий Хмельницкий. После избрания князь Трубецкой объявил новые договорные статьи, в которых к статьям переяславльским прибавлено было несколько новых статей, ограничивавших власть гетмана в судебном и административном отношениях, предписывалось козакам удалиться из занятых ими местностей в Белой Руси и т. п. Гетман ж старшина подписали эти статьи и в виду многочисленной рати, окружавшей русских воевод, не посмели предложить статей, составленных на Жердевой долине.

Таким образом, утвержден был в гетманстве восемнадцатилетний Юрий и должен был выносить на своих плечах то трудное положение, которое сломило, не смотря на опытность и энергию, его отца. Внешнее положение Украины было далеко не обеспечено. Предстояло закончить борьбу с Польшею, которая не была намерена отказаться от своих притязаний на южнорусскую территорию; нужно было покончить счеты с крымскою ордою, которая поочередно помогая, то козакам, то полякам, привыкла в том и другом случае, расплачиваться за участие в делах Украины угоном в ясыр ея населения и грабежем ея областей. Внутреннее положение страны было еще более не прочно: народ не обладал ни достаточным политическим развитием, ни сложившимися историческими привычками для

того, чтобы сознательно отстаивать свои интересы: мелкое честолюбие старшин, инстинктивные порывы черни; усвоенные одними шляхетско-польские идеалы и неопределенные хаотические стремления в крайне демагогическом направлении других, вызвало с одной стороны множество партий, группировавшихся главным образом во имя личного интереса или честолюбия вожаков, с другой неукротимые анархические вспышки, затруднявшие возможность всякого постоянного прочного развития. Конечно выход к установлению прочного порядка, если и был возможен, то мог случиться лишь под руководством лица особенно талантливого и опытного, которое умело бы авторитетом, искренней преданностью народному делу, самостоятельностью поступков и совершенным безстрашием и безпристрастием примирять мелкие самолюбия, поддержать здравые народные инстинкты и заставить их развить прочные гражданские учреждения, подавив анархические безцельные вспышки.

Нужные для исполнения такой роли качества конечно не обладал Юрий Хмельницкий; независимо от возраста, от по личным качествам представлял один из самых слабых типов человеческой природы: „от природы евнух“, по словам летописца, подверженный припадкам падучей болезни, ограниченных способностей, робкий и вспыльчивый, упрямый и лишенный всякой предприимчивости, нервно-трусливый и подчинявшийся всякому постороннему влиянию, несчастный этот юноша был выдвинут исключительно заслугами отца на пост с которым не могли справиться самые даровитые и энергические его земляки и современники. В течение всей жизни несет он непосильное бремя, вскинутое на его плечи судьбою, падает под его тяжестью, пытается укрыться то в частной жизни, то в монастырской келье, но фатальное его происхождение и имя выносят его безпрестанно на политическую арену, пока трагический конец не закончил его печальной карьеры. Немедленно после избрания в гетманы, Юрий благодаря помощи Сирка и запорожцев овладел Чигирином, где оставалась с незначительным гарнизоном жена Выговскаго, и где находился главный склад козацкой

артиллерии и казна Выговского. Но это была единственная удача нового гетмана. Ему пришлось тотчас принять участие в предприятии гораздо большей важности, которое и нанесло первый удар его репутации. Война за обладание Малороссиєю продолжалась между Россиєю и Польшею. В 1660 году сильная русская армия, под начальством боярина Василия Борисовича Шереметева выступила из Киева, направляясь на Волынь. Юрий Хмельницкий призван был принять участие в этом походе вместе со всем козацким войском. Шереметьев, отправившись вперед, достиг берегов Случа, но у города Любара он наткнулся на сильную польскую армию и на пришедшую в помощь полякам крымскую орду и должен был отступить к местечку Чуднову, здесь он потерпел поражение и взят был в плен татарами. Между тем козацкое войско, с которым Юрий Хмельницкий следовал за Шереметьевым, не успело подать ему помощи. Узнав о его приближении, поляки пошли на встречу Хмельницкому, осадили его в лагере у Слободища и повели приступ за приступом. Молодой гетман потерял голову, стал молиться, дал обет постричься в монахи если избежит опасности и, наконец, после трех недельной осады, подчинившись влиянию старшин; расположенных к Польше, он изъявил готовность возвратиться под власть польского короля и возобновить условия Гадячского договора. Предложение это было принято польскими гетманами и Хмельницким принес со всем войском присягу на верность королю. Вслед затем на раде, созванной в Корсуне, подтверждены были условия Чудновского договора и козаки принесли присягу пред королевским комиссаром Беневским. Юрий Хмельницкий заявил было на раде желание отказаться от булавы, ссылаясь на болезнь и неспособность, но потом, подчинившись вполне влиянию Беневского, он взял назад свое заявление и стал очень решительно по указаниям Беневского раздавать повышения сторонникам Польши. Между тем на левой стороне Днепра известие о случившемся вызвало к деятельности партию Сомка. Козацкие полки: Нежинский, Черниговский, Переяславльский провозгласили последнего в Переяславле наказным

гетманом, началась мелкая партизанская война между приверженцами обоих гетманов, продолжавшаяся с переменным счастьем в течении всего 1661 года пока на подмогу Сомку двинулся из Слободской Украины воевода князь Ромодановский с русским войском и слободскими козаками; тогда война приняла более широкие размеры: Юрий Хмельницкий с помощью поляков и орды, предпринимавший беспрестанно опустошительные набеги на территорию Нежинского и Переяславльскаго полков, осадил Сомка летом 1662 года в Переяславле; но после прихода Ромодановскаго он стал отступать к Днепру; настигнутый Сомком и Ромодановским на левом берегу Днепра, против Канева, он потерпел 16 июня страшное поражение, все войско его погибло в битве или было прижато к Днепру и потонуло в его волнах; с трудом успел переправиться на правый берег Днепра сам Хмельницкий с окружавшею его старшиною. Он бежал в Чигирин и стал усиленно призывать на помощь орду. Между тем Сомко в сопровождении отряда русских войск под начальством стольника Приклонскаго переправился на правую сторону Днепра, занял Черкассы и, опустошая страну, подвигался к Чигирину; здесь он наткнулся на орду, подоспевшую на помощь Юрию, быстро повернул назад и стал отступать к Днепру; у Бужина орда нагнала отступавших, разбила их и погнала в Днепр. Только остатки отряда успели переправиться на левый берег и, соединившись с Ромодановским, отступили вместе с ним к Лубнам, преследуемые татарами, нанесшими им значительный урон при переправе чрез Сулу.

Орда, выручившая из труднаго положения Хмельницкаго, дорого расплатилась за оказанную помощь: распустив загоны от Днепра до Лубен, татары погнали в ясыр все захваченное ими население края.

События этой междоусобной войны осветили ярко в глазах народонаселения всю неспособность молодаго гетмана: он оказался плохим военачальником, погубившим постыдно целую армию; ясно было, что под впечатлением личного честолюбия и даже минутной раздражительности он забывал всякий долг по отношению к родине. Два года он опустошал огнем и

мечом левобережную Украину, причем проявлял дикую, бессмысленную жестокость, так напр., заняв местечко Лукомль, он „як шаленый" (как бешенный) приказал перерезать все народонаселение; и, наконец выдал целую область на разграбление татарам. Общественное мнение стало слагаться в враждебном для гетмана смысле, козаки уклонялись от исполнения его приказаний, роптали и громко порицали его действия, старшины относились к нему презрительно. Наконец, он получил послание от запорожцев за подписью кошевого атамана Ивана Босовского и всего войска. В этом интересном документе, сохранившемся в летописи Величка, запорожцы высказывают сложившееся в народе общественное мнение, не стесняясь в выражениях. Они указывают на то, что благодаря их влиянию Хмельницкий выбран был в гетманы, исключительно в воспоминание заслуг его отца, они выражают сожаление о своей ошибке, перечисляют все недостойные поступки гетмана, объясняют их умопомешательством и неизлечимым бешенством Юрия и заключают письмо свое советом удалиться от дел, угрожая поднять против него весь украинский народ и овладеть его личностью, для чего они прияли уже нужные меры. Письмо это решило участь Юрия Хмельницкого; уже до получения его, под впечатлением неудач и не популярности он впал в припадок меланхолии; теперь к мучительной тоске, сознанию своего ничтожества и угрызениям совести придался неукротимый; непрерывный страх, недававший ему ни минуты покоя. Под впечатлением его гетман поспешно созвал раду у Корсуня в конце 1662 года и на ней сложил булаву объявив непреклонное желание удалиться от дел и в монастыре предаться молитве в течении остальной жизни.

Гетманом избран был его шурин Павел Тетеря, сам же Юрий в первых числах 1663 года удалился в Корсунский монастырь, где был пострижен в монахи под именем Гедеоны киевским митрополитом Дионисием Балабаном. В монашестве Юрий Хмельницкий пользовался, благодаря своему имени, значительным почетом и свободой, он пребывал поочередно в различных монастырях: в Киеве, Корсуне, Смелой, гостил по временам в Чигирине, а

также в доме сестры в Городыщах; в конце 1663 года мы его встречаем в числе почетных гостей, приглашенных присутствовать при диспуте о вере, состоявшемся в Белой Церкви между ректором киевской академии, Иоаникией Голятовским и иезуитом Пекарским. Но удалиться в частную жизнь, хотя бы прикрывшись монашеским клобуком, Юрию Хмельницкому не удалось. Тетеря видел в нем если не опасного соперника, то во всяком случае лице; которое могло служить опасным против него орудием в более искусных руках, потому он желал избавиться от его присутствия на Украине и обратился к приему весьма тогда распространенному среди козацкой старшины — к клевете и доносу. Основываясь, будто бы на донесении игумена Смелянского монастыря, в котором жил тогда Юрий, Тетеря обвинил его в подозрительных политических сношениях с козацкою старшиной, вследствие этого доноса, Юрий Хмельницкий схвачен был в 1664 году в доме сестры и препровожден под стражею во Львов, и оттуда в Мальборкскую крепость. Только через три года, уже после отказа Тетеры от гетманства, ему удалось доказать неосновательность взведенной на него клеветы и он был отпущен в Украину в 1667 году. Здесь, продолжая монастырскую жизнь, Юрий, поселился в Уманском монастыре. Но не таково было состояние края, чтобы он мог рассчитывать на спокойную личную жизнь; междоусобие; вспыхнувшее еще во время его гетманства, продолжалось непрерывно; одни лица сменяли других, претенденты на гетманство появлялись и исчезали в разных углах Украины и каждый из них, опираясь лишь на незначительную партию, должен был искать поддержки у одной из трех держав: сопредельных с Украиною. На левой стороне Днепра, остававшейся под покровительством России; Сомка сменил Брюховецкий; после гибели последнего избран был Демьян Многогрешный; но в 1672 году, он сослан в Сибирь по ложному доносу старшин и булава перешла в руки Ивана Самойловича; на правой стороне Днепра, от которой по Андрускому договору Россия отказалась в пользу Польши, Тетерю заменил вскоре Дорошенко; но тяготясь зависимостью от Польши, он признал над собою

верховную власть султана; польское правительство предложило избрать вместо него новаго гетмана; те козацкие полки, которые оставались еще в зависимости от Польши, избрали гетманом уманскаго полковника Михаила Ханенка. Между ним и Дорошенком конечно вспыхнула война; которая вскоре послужила поводом для войны Турции с Польшею. В 1672 году турецкая армия овладела Каменцем и принудила короля Михаила к заключению трактата под Бучачем, по которому Польша отказывалась от Подолии и Украины в пользу Турции. Известие об этих событиях распространило тревогу в той части Украины, которая признавала гетманом Ханенка, жители боялись репрессалий со стороны турок и Дорошенка; лица считавшая себя более окомпроментированными или не желавшая подвергаться на первых порах гневу Дорошенка, старались переехать в другия более безопасныя места. В числе других Гедеон Хмельницкий решился уйти из Умани; он направился в Киев вместе с игуменом своего монастыря Филаретом и с братом гетмана Ханенка, но на дороге беглецы были перехвачены одним из загонов татарских, возвращавшихся из под Каменца и рассыпавшихся по Украине с целью грабежа. Пленников привели обратно в Умань и потребовали за них выкуп, когда же горожане отказали в нем, то их погнали в Крым, откуда хан препроводил Гедеона, в качестве знатнаго пленника, в Царьград. Здесь обошлись с ним милостиво и поместили его на жительство в одном из греческих монастырей.

Между тем в Украине борьба продолжалась с усиливающимся ожесточением. Дорошенко, истощив все средства для того, чтобы отстоять автономию своей области, потерял надежду на возможность успеха и в 1676 году сдал и булаву и Чигиринский замок Самойловичу; сам же был отправлен в Москву. Не смотря на это турецкое правительство не отказалось от своих притязаний на Украину; оно решилось возстановить свои права оружием. В 1677 году большая турецко-татарская армия под начальством Ибрагима-паши направилась к Чигирину. Вместо Дорошенка решено было доставить новаго гетмана, зависимаго от Турции и вполне ей преданнаго. По

этому случаю в Царьграде вспомнили об убогом пленнике монахе, носившем имя некогда громкое на Украине и решились воспользоваться этим именем. По приглашению турецкого правительства Хмельницкий сбросил монашескую рясу и получил фирман султанский, в котором кроме звания гетмана козацкого он провозглашен был князем Сарматийским. Он должен был сопровождать турецкую армию, склонять народ к подчинению Турции, и, в случае удачного исхода кампании управлять, страной в качестве турецкого вассала. Турецкий поход в этом году был неудачен, турки не могли взять Чигирин и явившиеся на помощь городу русские и козацкие войска под начальством князя Григория Ромодановского и гетмана Самойловича заставили их отступить в свои владения. Юрий Хмельницкий помышлял тогда о бегстве в христианский лагерь, но турки зорко следили за ним и он должен был возвратиться вместе с отступавшей армией.

В 1678 году турки возобновили поход с гораздо большими силами; Чигирин был взят и разрушен. Русско-козацкие войска отступили к Днепру и выдержав осаду у Бужина, переправились на левый берег Днепра. Хмельницкий мог теперь заявить свои притязания на гетманство; но в населении края он не встретил сочувствия; он принужден был с татарскими отрядами приводить в повиновение козацкие полки; оказалось что 16-летнее скитальчество не повлияло на упрочение его характера; он является с теми же признаками безтактности, непонимания народных стремлений, с тем же легкомысленным отношением к интересам народонаселения, с тем же отсутствием самостоятельности и с тою же бездельною тупою жестокостью, какия проявлял и в первое кратковременное гетманство. Руководителем его на этот раз был его родственник Павел Яненко. Хмельницкий, бывший при его отце киевским полковником и потерявший потом, эту должность за преданность Выговскому. После взятия Чигирина турками Юрий и Яненко в сопровождении орды направились вдоль по течению Днепра к северу, у Канева они разбили отряд козаков левобережных и заняли город; здесь Юрий, заметив колебание со стороны жителей признать его власть, приказал

в приладке бешенства сжечь город и перебить народонаселение; приказание это исполнили татары, причем сожжены были и церкви. В Вознесенский Каневский монастырь укрылось от татар множество народа, но последние обложили монастырь дровами и соломой и сожгли вместе с жителями; в пожаре этом погиб уважаемый народом архимандрит Макарий Токаревский, причтенный впоследствии к лику святых. Судьбу Канева испытали Черкасы, Корсунь, Стеблев, и другие города и местечка по Днепру и Тясмину; за тем Юрий и Яненко ходили с Белгородскою ордою несколько раз опустошать и левый берег Днепра в полки Лубенский, Нежинский и Киевский. Только после ухода татар в 1679 году они должны были удалиться из опустошенного ими края. Сын гетмана Самойловича, стародубский полковник Семен, перешел тогда на правый берег Днепра и переселил оставшихся еще козаков и жителей Корсунскаго и Черкаскаго долков в левобережную гетманщину.

Таким образом весь край между Уманью, Каневом и Чигирином превратился в пустыню благодаря почину Юрия Хмельницкаго, желавшаго принять его в свое управление; гетман должен был искать для себя резиденции в другом углу номинальных своих владений и он поселился в полку Брацлавском, в Немирове; здесь, управляя оставшимся народонаселением под надзором турецкаго паши, пребывавшаго в Каменце, он в течении двух лет разорил это население непосильными поборами, взысканиями и „здырствами“; все чаще и чаще подвергаясь припадкам кроваваго умопомешательства он без вины или по ничтожному поводу предавал людей жестоким казням. Между прочим, приказал без яснаго повода расстрелять Брацлавскаго полковника Коваленка, приехавшаго к нему с праздничным поздравлением. Турецкия власти нашли наконец его управление слишком бсзразсудным и в 1681 году он был под стражею препровожден в Царьград. Место его занял Молдавский господарь Дука, искренно зашившийся умиротворением и колонизациею края; но господарь был захвачен в плен поляками во время их похода против турок в конце 1683 года и турецкое правительство еще раз распорядилось зависевшим от него

гетманством в пользу Юрия Хмельницкаго. В августе 1685 года он прибыл в Каменец и оттуда с конвоем турецким направился в Немиров.

Последнее, на этот раз, пребывание его на Украине было не продолжительно; поводом к его прекращению послужило следующее обстоятельство: Юрий Хмельницкий, желая усилить скудные доходы, получаемые им из опустевшего края, установил оригинальный налог: он потребовал, чтобы жители всех вероисповеданий в управляемой им территории, в случае вступления в брак испрашивали бы предварительно у него разрешения и вносили определенную пошлину. Случилось, что, вскоре после издания этого распоряжения, в самом Немирове праздновал свадьбу сына богатый купец Орун (Аарон). Еврей этот составил себе громадное состояние подрядами для турецкой армии, торговлею военною добычею, которую он скупал у турецких солдат и продажею девиц, которых он поставлял в турецкие гаремы; последнее занятие доставляло ему многочисленныя ж весьма влиятельныя связи среди высокопоставленных турецких сановников; рассчитывая на эти связи, Орун счел распоряжение гетмана не обязательным для себя, и отпраздновал свадьбу не испросив разрешения и не уплатив пошлины. Гетман пришел в ярость; посланные им слуги сожгли дом Оруна и не застав хозяина, арестовали его жену; несчастная женщина, по приказанию Юрия, находившагося в припадке бешенства, была казнена страшною смертью, приказано было, по тогдашнему турецкому обычаю снять с живой кожу. Узнавши о случившемся, Орун поспешил с жалобою к турецкому паше в Каменец и потребовал суда; по приказанию паши турецкие солдаты, составлявшие почетный конвой Хмельницкаго, арестовали его и препроводили в Каменец. Здесь перед лицом суда, состоявшаго из трех пашей, ему дана была очная ставка с Оруном; Юрий сознался в жестокостях и угнетении народа; по приговору судей ему среди площади накинули на шею веревку и отвели на мост; здесь он был задушен и труп его брошен в воду. Таким образом, в исходе 1685 года, кончил жизнь и политическую карьеру жалкий наследник

славного Богдана.

САВВА ГРИГОРЬЕВИЧ ТУПТАЛО.

1599—1702 г.г.

О биографии этого заслуженного сподвижника Хмельницкого до нас дошло весьма мало сведений. Родился он в местечке Макарове (в 50 верстах на запад от Киева), в 1599 году. Первое сведение о его жизни встречаем

только в 1650 году — он записан в реестр войска запорожскаго в качестве рядоваго козака Макаровской сотни Киевскаго козачьяго полка; вскоре потом он выбран был сотником в своей сотне и вслед затем перешел в сотню киевскую, также в звании сотника; вторую половину своей жизни Савва Туптало прожил в Киеве, где пользовался значительным уважением и благосостоянием; из современного документа мы знаем, что в 1686 году он занимал еще должность киевскаго сотника и пользовался доходом от мостовой пошлины при переезде через реку Ирпень у м. Мостища. Затем известен нам только год смерти престарелаго сотника: скончался он в день Богоявления в 1702 году на 103 году жизни; погребен в Троицкой церкви при киевском Кирилловском монастыре, где раньше почила его жена Мария Михайловна, скончавшаяся тоже в Киеве в 1688 году. Имя Тупталы снискало себе громкую славу благодаря значению сына Саввы Григорьевича, знаменитаго святителя и известнаго ученаго, святаго Дмитрия митрополита Ростовскаго, в мире Даниила Саввича Тупталы.

ИВАНЪ ВЬГОВСКІЙ.

1657—1659 г.г.

ИВАН ОСТАПОВИЧ ВЫГОВСКИЙ.

1657—1659 г.г.

Иван Остапович Выговский происходил из мелкой русской шляхты. В Овручском повете киевского воеводства было несколько сел боярских, признанных в шляхетских правах. В одном из этих сел, Выгове, жил многочисленный род Лучичей; которые по месту происхождения назывались Лучичи-Выговские, а впоследствии просто Выговские.

Из родственников Ивана Остаповича мы встречаем в исторических известиях его отца, Евстафия или Остапа состоявшего на службе у митрополита Петра Могилы, и мать, двоюродных братьев: Данила, Константина и Федора; дядю его Василия, овручскаго полковника, и племянника Илью, — бывших его ревностными помощниками; кроме того, встречаем неизвестно в каком родстве состоящего с ним сотника, Самуила Выговскаго. Иван Остапович получил хорошее образование и „был беглым в делах писарских"¹¹⁾. В конце тридцатых годов XVII столетия он состоял в должности регента (правителя дел) земскаго Луцкаго суда и должность эту он оставил в начале сороковых годов; затем он получил видную должность писаря при польском комисаре, управлявшем Украиной вместо гетмана, как это было постановлено договором, заключенным после войны Остриановой с поляками. В это время он познакомился с Богданом Хмельницким, тогда еще сотником чигиринским. В битве при Жолтых Водах Выговский, находившийся тогда в польском войске, был взят в плен татарами; его выкупил Хмельницкий за малую цену: по преданию „за одну выменял шкапу"¹²⁾. Зная образование и ум Выговскаго Хмельницкий сделал его генеральным войсковым писарем; в этой должности Иван Остапович пребывал 9 лет, до смерти Хмельницкаго.

После смерти Богдана Хмельницкаго внутренния отношения в Малороссии представляли следующие черты. В массе населения края

¹¹⁾) Летопись Величка, т. I, стр. 304.

¹²⁾) Там же.

происходили сильныя неурядицы. Хотя в борьбе Хмельницкаго с Польшей — в деле освобождения Украины — принимал участие весь народ и следовательно права и преимущества, добытые Хмельницким, должны были распространиться на всех, но, в силу сложившагося в то время строя понятий и общественной жизни, все население, по окончании борьбы, распалось на: посполитых, возвратившихся к земледельческим занятиям, и козаков, на обязанности которых лежало охранять возникающий порядок вещей. Масса народная протестовала против такого разделения во все время гетманства Хмельницкаго, но еще резче протест выразился после его смерти.

Между тем и в среде самих козаков возникло как бы два сословия: значных, т. е. старшин, богатых козаков и шляхтичей, приставших к козацтву и простых, которых эта аристократия называла козацкою чернью. Тут опять возникает антагонизм: старшины все более и более стараются расширить свою власть и поземельныя владения в ущерб значению черни, тогда как чернь и посполство с своей стороны всегда готовы по возможности противодействовать возвышению значных. Но противодействие это не влекло за собою никаких существенных результатов, оно кончалось только заменою одного лица другим, которое в свою очередь попадало в разряд значных и тем самым возбуждало против себя неудовольствие масс. Вследствие сложившихся таким образом интересов народонаселения, в политическом отношении население Украины представляло две партии: к первой принадлежали: большая часть старшин, значных козаков, шляхтичей, сам гетман Выговский и его родственники; в числе их находились несомненно все более просвещенные и интеллигентные люди козацкой среды, высшее православное духовенство, желавшее сохранить автономное церковное управление и богатые мещане южнорусских городов.

Политическим идеалом этой партии было сохранение и развитие автономии края, для этого признавали необходимым соединение Украины с Польшей на правах федеративных, с сохранением полного внутреннего самоуправления и совершенной равноправностью с другими частями Речи

Посполитой в политическом отношении. Польский народ должен был соединиться с малорусским как равный с равным для взаимного охранения своих прав и вольностей, причем Украина должна была принять все польския государственныя учреждения. Отрицательная сторона в стремлениях этой партии — это пристрастие в шляхетским польским порядкам и желание вопреки народным стремлениям организовать дворянское сословие по образцу польскаго шляхетства со всеми его правами и привилегиями.

Другая партия, чисто народная, состояла исключительно из посполства и простых козаков, которым ближе были интересы посполства, прямо противоположные шляхетским идеалам значных Козаков. Посполство было искренно предано России и видело исключительно в царской власти гарантию против возстановления польско-шляхетских порядков в той или иной форме. К несчастью, среди этой партии недоставало образованных и просвещенных представителей и она в своих действиях и симпатиях руководится не столько ясным сознанием своих интересов, сколько инстинктом. В силу этого, в движениях черни и посполства заметно постоянное колебание: народная партия стоит за подчинение царю, но возстает против самовольных поступков московских воевод. Они желали бы сохранить областную автономию; но вместе с тем из-за страха, старшин и проводимаго ими соединения с Польшею, они готовы пожертвовать этою автономиею и противодействуют всем начинаниям старшин, клонившимся к ея удержанию или развитию. Идеал посполитой партии это козацкое устройство, с полною сословною равноправностью. В силу этого к народной партии постоянно примыкает Запорожье, исполнявшееся почти исключительно из массы посполства, и осуществившее этот идеал в устройстве своей общины. Вообще можно заметить, что в географическом отношении партия старшин была сильнее в старых козацких поселениях на правом берегу Днепра, напротив народная партия были сильнее на левом берегу, в стране новозаселенной выходцами, бежавшими от польскаго крепостнаго права.

В таком положении застала Украину смерть Богдана Хмельницкого. Перед его кончиной на Чигиринской раде преемником ему был назначен 16-летний его сын Юрий, хотя старый гетман и отклонял это избрание, предлагая в гетманы Выговского. Едва успели схоронить Хмельницкого, как старшины и заслуженные козаки, считавшие позором для себя повиноваться мальчику, начинают роптать против Юрия. Этим настроением воспользовался и постарался развить его Выговский, считавший гетманство Юрия узурпацией своих прав. Как друг отца, Иван Остапович сообщает молодому Юрию о недовольстве против него и советует ему отказаться перед радой от гетманского уряда, чтобы таким поступком заслужить расположение народа. В тоже время Выговский и другие старшины обещают отказаться от своих урядов.

В Чигирине 24 августа 1657 г., собрана была рада козацких старшин; на ней Юрий Хмельницкий сложил знаки своего достоинства и предлагал выбрать другого гетмана; тоже сделали с своей стороны: Выговский — генеральный писарь, обозный генеральный Тимофей Носач и генеральные судьи. После шумных совещаний, многократных отказов со стороны избираемых, рада постановила, что номинальным гетманом считается Юрий Хмельницкий, но до его совершеннолетия, он отправиться учиться в киевскую академию, наказным же назначается Иван Выговский, и на универсалах он должен будет подписываться „гетман на тот час“. Получив клейноды; Выговский тотчас же вступил в управление: он известил о своем избрании запорожцев, уверяя, что без их утверждения не останется гетманом, затем послал послов с изъявлением приязни к польскому королю и к крымскому хану. Желая упрочить свое положение соблюдением всех козацких прав, новоизбранный гетман созвал другую раду в Корсуне; здесь, по обычаю избирательному собрались представители от всех полков и сотен. Рада продолжалась два дня; Выговский был утвержден в гетманском достоинстве козаками и решено было просить царя с своей стороны утвердить гетмана и оставить козакам все их вольности; причем

ходатайствовать о том, чтобы воевод и гарнизонов московских не размещать в полках Украины. В желании этом сказывалось опасение гетмана и старшины, за областную автономию страны.

С возведением Выговского в гетманское достоинство, партия старшин приобретает руководящее положение в Украине. Она окружает нового гетмана, поддерживает его и вместе с ним пытается осуществить свои стремления. Самыми деятельными помощниками гетмана являются родственники Выговские, генеральный судья Богданович-Зарудный, обозный Тимофей Носач; подольский полковник Богун, знаменитый сподвижник Богдана Хмельницкого; переяславльский полковник Павел Тетеря, Прилуцкий — Петро Дорошенко и др. Наиболее выдающимся ее представителем был известный своею ученостью Юрий Немирич.

Для противовеса партии гетмана, народная партия выдвигает против него одного за другим нескольких кандидатов на гетманство. Такими кандидатами были: вначале, Юрий Хмельницкий и Барабаш, поддерживаемые запорожцами; Искра и Цюцюра, выдвинутые московским правительством, и Пушкарь, опирающийся на массу народную. Все эти претенденты; кроме Юрия Хмельницкого, действуют прежде всего путем доносов и интриг. В таком характере действий мы видели начало тех приемов, которые впоследствии составляют хронический недуг в политической жизни левобережной Украины.

Наиболее выдающимся из всех названных претендентов, был полтавский полковник, Мартын Пушкарь, человек чрезвычайно энергический и независимый, истинный представитель демократических интересов. Вокруг него начала группироваться голота бездомная и безправная часть населения, побуждаемая к возстанию антипатией против привилегированного класса старшин, избранником которых был Выговский. В короткое время собрался полк до 20,000 человек, названный дейнеками, под предводительством Пушкаря ж открылась междоусобная борьба, сопровождаемая грабежом имений значных козаков, чем дейнеки и

возстановили против себя все зажиточное население края. Пушкарь не принял предложенного гетманом мира, тогда Выговский попытался усмирить его силою, но оказалось, что возставшие пользовались сочувствием в массе населения: козацкие полки, отправленные против Пушкаря, на дороге рассеялись.

Пришлось пустить в дело затяжные (наемные) полки, состоявшие из сербов, валахов, поляков и немцев, и союзников татар. В битве под Полтавою Выговский, благодаря военной хитрости и отсутствию дисциплины в войске дейнеков, одержал решительную победу, Пушкарь со всей голотой погиб, а помогавшие ему запорожцы со своим предводителем Барабашем успели уйти. Полтава была сильно разграблена татарами, союзниками гетмана; в то же время полковники усмиряли возмущение в других городах. Это случилось в январе 1658 г.

Также неудачно было в следующем году возстание другого претендента, Искры, который был убит в стычке; вместо него является претендентом на гетманство Безпалый, признанный в этом достоинстве от имени царского кн. Ромодановским, начальником великорусских войск на Украине. Но, боясь участи своих предшественников, Безпалый не отваживается оставить лагерь московских воевод, и только вместе с ними бывает в походах против Выговскаго; наскучив пассивною ролью, он при появлении нового соперника, Цюцюры, отказывается добровольно от уряда гетманскаго. Новый претендент продолжает политику своего предшественника, также точно действует за одно с воеводами против Выговскаго и вообще является такой же бесцветной личностью, как и Безпалый. Он хотя пережил время гетманства Выговскаго, но гетманскаго достоинства после него не получил. Так как большинство козаков разделяли народные интересы и всегда оказывали поддержку народной партии; то в борьбе с предводителями этой партии гетман принужден был действовать с помощью затяжных, т. е. наемных войск из сербов, поляков, немцев и союзников татар, которые зачастую принимались грабить местное население, не разбирая были ли то

сторонники или враги.

Не находя сочувствия в массе народной, Выговский пытается распространить свои убеждения между значными козаками частым созыванием рад, состоявших из старшин. Такое значение имели рады, которые он собирал; в Чигирине 24 августа 1657 г., где и был выбран наказным гетманом; в Корсуне, вскоре после первой, — здесь он был утвержден в гетманском достоинстве. Затем была созвана рада в Переяславле, где московский посол предлагал выбрать нового гетмана. К этому времени в Украине настойчиво распространился слух, будто московское правительство стремится ограничить все права козаков, в том числе ж право избрания гетмана. Поэтому на Переяславльской раде козаки единогласно подтверждают Выговскаго в гетманском достоинстве и тем отстаивают свое избирательное право; однако на этот раз рада принуждена была согласиться на присылку воевод в украинские города. Больше других имела значения рада, созванная в Гадяче, на которой редижирован был знаменитый Гадячский договор с поляками. Последняя рада, созванная Выговским под Германовкой, оказалась неудачной для него: на ней Выговский был отрешен от гетманства и передал булаву Юрию Хмельницкому.

Влияние Выговскаго на старшин отразилось на политических отношениях. Главныя политическия сношения, от которых зависело устройство судьбы Украины, происходили с московским государством.

Со смерти Богдана Хмельницкаго в действиях московскаго правительства ясно видно желание довести Украину до той же степени подчиненности верховной власти; на какой стояли области, раньше присоединенныя к московскому царству. Стремление сократить автономию края проявляется во всех требованиях, предъявляемых путем частых посольств из Москвы.

Первым поднят был вопрос о патриархате. Тотчас после Корсунской рады, на которой Выговский признан гетманом, случилось избрание

киевского митрополита. Киевский воевода, Бутурлин, отказался присутствовать на выборах и прямо объявил требование, чтобы южнорусская церковь подчинилась московскому патриарху.

Затем послы от имени царя несколько раз требуют, чтобы Выговский ехал на поклон в Москву, получил бы там подтверждение в гетманском достоинстве и окончательно установил свои отношения к правительству. Гетман постоянно откладывает поездку под предлогом неурядиц на Украине и необходимости усмирять возмущения, в действительности же он боялся встретить предложения, которых легче было бы отклонить, оставаясь на Украине. Вопросом существенной важности, послужившим главным поводом к недовольству для партии старшин, была присылка воевод и гарнизонов великорусских, при посредстве которых правительство рассчитывало довершить дело объединения Украины. Вопрос о воеводах стоял одним из первых во всех посольствах из Москвы в Украину и обратно. На Переяславльской раде 1657 г. старшины принуждены были согласиться на учреждение воеводств в пяти главных городах Украины. Вслед за тем, когда началась у гетмана борьба с Пушкаренковой партией, старшины нашли необходимым заручиться поддержкой со стороны московского правительства и обратились к нему с такими же обещаниями полного подданства, как и давала враждебная им партия. Полковник Лесницкий, отправленный в Москву, от имени гетмана и всего войска запорожского просил прислать воевод и комиссаров в главнейшие города Украины для составления реестров козакам, которых должно быть не более 60 тысяч. Но все эти переговоры велись не искренно, поэтому прибытие воевод было встречено враждебно и, разделавшись с внутренним неприятелем, Выговский воспользовался этим прибытием, как благовидным предлогом. Он приказывает всем полкам готовиться к походу и посылает их под предводительством своего брата Данила с поручением взять Киев и выгнать оттуда воеводу Шереметьева с царскими войсками. Не смотря на то, что главная масса населения Киева, именно мещане, оказались на стороне нападающих, попытка овладеть

столицей юго-западного края кончилась неудачно — все нападения козаков были отбиты великорусскими гарнизонами. Затем Выговский прекращает на время борьбу, созывает раду в Гадяче ж тотчас по окончании ее целым рядом универсалов возбуждает народ к возстанию против Москвы, собирает полковья рады, на которых приглашает козаков выгонять воевод. Наконец после Конотопской битвы, где великорусское войско понесло сильное поражение, воеводы были прогнаны в Путивль. Но их в скором времени призывают обратно остатки партии Пушкаря, которым оказывает поддержку народная масса, опасавшаяся утверждения шляхетских порядков от соединения с Польшей. А между тем Выговский, совершенно игнорируя статью переяславльскаго договора, запрещающую сношаться с иностранными державами, продолжает отправлять посольства к полякам и татарам и принимать иноземных послов, нисколько не стесняясь присутствием послов московских.

В сношениях с Москвою Выговский держится постоянно выжидательная политики, пока не установились вполне отношения к Польше. Из Москвы постоянно являются послы, то с известием о скором прибытии воевод и вместе с предложениями, ограничивающими автономию края, то с поручением разузнать на месте отношения между гетманом и народом, послужившия причиной внутренней борьбы. По мере того как устраиваются дела с поляками, отношения между гетманом и послами становятся все более недружелюбными и наконец обостряются до того, что послов даже подвергают аресту, чтобы воспрепятствовать им сношаться с народом и следить за действиями гетмана. Так шли дела до Гадячской рады 1659 г. После нея начинается открытая борьба с Москвой.

Из отношений иноземных проще других были отношения к татарам. Во все продолжение гетманства Выговскаго мы видим, что каждый раз, когда ему приходится вести открытую борьбу, с враждебными партиями, на помощь ему приходят татарския войска. Эхо не были войска наемные, являются они частью в силу личных отношения Выговскаго к хану и другим

предводителям, а частью с целью наживы: орда грабила те области, по которым проходила, забирая в плен жителей и продавала их в рабство. По крайней мере это можно заключить из одного факта, когда в походе против Пушкаря, окончившемся его смертью и разграблением Полтавы, помогавшие Выговскому татары, готовились увести в Крым огромное число пленных жителей, но отряд козаков Выговскаго отбил пленников; летописец прибавляет, что „Орда сама ни з чим до Криму помаршировала"¹³).

Гораздо более серьезное значение имели сношения с Польшей. Тут с одной стороны ясно определяется желание поляков подчинить себе Украину, с другой стороны стремление Выговскаго и его партии основать свои действия на поддержке со стороны Польши. Немедленно после избрания Выговскаго в гетманы на Чигиринской раде 1657 г. начинаются переговоры с Польшей в этом смысле. Главными деятелями при этом были — Немирич со стороны Украины и Беневский со стороны Польши; предполагалось соединиться на федеративных правах с предоставлением взаимно полной автономии. Поляки серьезно думали о соединении с Украиной, особенно успешно действовал в этом смысле Беневский; своими переговорами он достиг того, что гетман наконец решительно отказался от всякого союза с царем и даже готов был идти на него войною с татарами; как следствие этих переговоров является известная попытка овладеть Киевом, кончившаяся неудачею.

В 1658 г. собралась в Гадяче на раду вся старшина козацкая. Здесь в присутствии гетмана Беневский в напыщенной речи указал козакам на ту опасность, какая грозила со стороны Москвы как Украине, так ж Польше, ж предлагал соединиться против общаго, по его мнению, врага. Результатом совещания было заключение знаменитаго гадячскаго договора. Статьи договора касаются: государственнаго значения Украины, внутренняго ея устройства, религии и просвещения, т. е. главнейших вопросов того времени. По смыслу гадячских статей Украина войдет в союз с Польским

¹³) Летоп. Величк., т. I стр. 333.

королевством и Великим Княжеством Литовским под именем Великого Княжества Руссаго; таким образом составитя союз самостоятельных областей под верховной властью короля, в избрании котораго одинаково должны принимать участие все три соединенныя народности. Великое Княжество Русское будет пользоваться полным внутренним самоуправлением. Верховная законодательная власть должна принадлежать собранию депутатов от всей Украины, исполнительная — гетману. Все должности, в том числе и сенаторския, должны быть замещаемы местными уроженцами. Великое Княжество Русское должно иметь все государственныя учреждения и государственных сановников, свой суд, монету, войско и т. д.

По отношению к религии договором требовалось полное уничтожение унии на пространстве всей Речи Посполитой. Православному духовенству предоставлялось право собственной юрисдикции и в знак почета митрополиту и пяти епископам предоставлялось право заседать в сенате, наравне с католическими епископами. Кроме того, обещано было возратить церковныя имущества и церкви, отнятыя у православных. Хотя послам дана была инструкция от сейма всеми силами отстаивать унию, но общее настроение умов на Украине было таково, что послы решились на свой страх согласиться на полное ея уничтожение, лишь бы довести переговоры до конца. Особенно важна для характеристики Выговскаго последняя статья договора, касающаяся просвещения края: предполагалось открыть два университета и в разных местах Великаго Княжества Руссаго устраивать училища без ограничения их числа. Кроме того, предоставлялась полная свобода печати: каждый, кто хотел открывать типографию и печатать что угодно, даже относительно религии дозволялось свободно высказывать свое мнение.

Отрицательная сторона гадячских статей та, что в договоре не были определены отношения крупных владельцев к тем, кто жил на их землях, что давало волю произволу дворян. Наконец король мог во всякое время по представлению гетмана возводить козаков и мещан в дворянское

достоинство. Этой последней статьей особенно недовольны были польские дворяне, сильно дорожившие своими шляхетскими привилегиями. Дарованием этого права нобилитации, которое могло со временем коснуться и посполства, из которого пополнялся состав козаков, поляки больше всего надеялись склонить на свою сторону как козаков, так и простой народ.

По окончании Гадячской рады послы возвратились в Польшу, а Выговский перешел с войском московскую границу, требуя выдачи своих врагов, бежавших в Путивль. Поход этот кончился неудачей, благодаря хищническим инстинктам и отсутствию дисциплины в войске союзников; особенно грабежам, произведенным татарами, вследствие чего козаки массами бежали из войска на защиту своих семейств и имуществ. Тем не менее московское правительство, заметив что даже население леваго берега, до тех пор враждебное гетману, не оказывает ему сопротивление, решалось сделать последнюю попытку к установлению с гетманом мирных отношений. Князь Трубецкой, главный начальник великорусских войск на Украине, получил двоякия полномочия. С одной стороны ему предписывалось: 1) Собрать раду из старшин и черни, которые должны уладить все возникшия неурядицы; 2) Если Выговский останется гетманом после рады, в таком случае боярину разрешалось сделать очень важныя уступки, а именно: разрешалось вывести великорусския войска из Украины и подтвердить статьи аналогичныя с статьями гадячскаго договора, наконец гетману и старшинам обещали предоставить самыя доходныя административныя должности. С другой стороны Трубецкой своими универсалами и воззваниями возбуждал народ против гетмана, очевидно с целью запугать его и так или иначе принудить его к покорности царю.

Но все эти меры ровно ни к чему не привели — Выговский, не входя даже в переговоры с Трубецким, в ответ на его предложения, издал универсал, которым доказывал необходимость разрыва с Москвой с одной стороны и соединения с Польшей с другой. Тогда Трубецкой нашелся вынужденным начать военныя действия. Великорусския войска вступили в

Украину и разорили местечко Срыбное, вслед за тем они пытаются овладеть сильным Конотопским замком. Со стороны малоруссов борьбу вели пока одни полковники, гетман не принимал в нем прямого участия, ожидая на помощь крымских татар. Наконец явился Мехмет Гирей с ордою; тогда гетман двинулся с союзниками на защиту осажденного Конотопа. В битве на р. Сосновке, где Выговский выказал большия стратегическая способности, великоруссы потерпели сильное поражение; 30 тысяч воинов легло на месте, воевода кн. Пожарский был взят в плен и казнен по приказанию хана. После такого поражения, Трубецкой должен был уйти в Путивль, Выговский преследовал его до границ Украины, а дальше отказался идти, не смотря на все убеждения со стороны хана и наемных поляков. По свидетельству современника: „Вероятно, он боялся, чтоб козаки не отпали от него, если он выйдет из Украины“, но скорее можно допустить, что он желал придать войне характер исключительно оборонительный, а не наступательный.

В таком положении были дела, когда в Варшаве собрался сейм, на котором должна была решиться судьба Украины. На сейм явилось посольство от Великаго Княжества Русскаго, состоявшее из представителей генеральной старшины, сотников и знатных козаков. Стоящий во главе посольства Немирич от имени всей Украины заявляет готовность принять подданство по отношению к польскому королю. Речь Немирича была принята с восторгом королем и чинами Речи Посполитой, но когда послы начали излагать условия подданства, сенаторы пришли в недоумение и восторг сменился всеобщим ропотом. Требовалось подтверждение всех статей Гадячскаго договора и главным образом: совершенное уничтожение унии и возвращение всех церквей, школ, госпиталей, церковных имуществ и т. д., принадлежавших православным и захваченных униатами или иезуитами не только на Украине, но даже на всем пространстве Речи Посполитой, где только существует русский язык. Требовалось изгнание иезуитов из пределов Великаго Княжества Русскаго; к занятию духовных должностей допускались исключительно только лица православнаго исповедания. Отдавая дань

своему времени, когда особенно дорожили шляхетскими титулами и привилегиями, гетман домогался для себя, как воеводы Киевского и представителя Великого Княжества Русского, права юрисдикции над высшим дворянством, с правом не являться ни в какой суд, ни по какой жалобе.

Такого рода требования вызвали целую бурю в сенате: более консервативные члены решительно отказывались принять эти условия; особенно протестовали они против раздачи шляхетского достоинства козакам. Другая партия, более либеральная, находила совершенно справедливыми все требования козаков, только требование уничтожения унии не нашло сторонников даже между самыми ревностными поборниками веротерпимости. Наконец дело уладил Беневский, который и содействовал главным образом заключению гадячского договора. Проживая подолгу на Украине, он близко познакомился с бытом и интересами малорусского народа и лучше чем кто-нибудь понимал справедливость требований, какие предъявляли козаки. Но польское общество еще не доразвилось до такого понимания и Беневский, желая как-нибудь провести интересы Украины, предлагает такой компромисс: так как Польша теперь в критическом положении по случаю войны с шведами, то следует для вида согласиться на условия козаков, а впоследствии все переменить по старому. У Беневского был такой расчет: доставить только номинально козакам признание их прав, а после они уже сами, как знают могут отстаивать эти права. Между тем предложение Беневского было принято за чистую монету; король и представитель Речи Посполитая давали торжественные клятвы исполнить все условия козаков, надеясь в тоже время скоро нарушить их. Также непрочны были обязательства со стороны козаков и, по выполнении всех торжественных формальностей, дело кончилось ничем.

Заключая договоры с поляками, Выговский руководился своими соображениями, не сообразуясь с желаниями народа. Теперь враги гетмана легко могли найти против него опору в массе народной. Народ украинский был против соединения с Польшей, в какой бы форме оно ни выразилось, так

как оно грозило утверждением шляхетского порядка, ненавистного для посольства. Опять начинается агитация против гетмана. В то время как великорусские войска готовы были выступить из пределов Малороссии, Трубецкого призывают обратно Филимонов и Золотаренко, бывшие сторонники Пушкаря, постоянно принимавшие участие во всех агитациях против Выговского. Кроме того, внутренние неурядицы увеличиваются еще появлением нового претендента на гетманство, полковника Цюцюры. В короткое время один за другим передаются Трубецкому: Переяславль, Нежин, Батурин, Глухов, Новгород-Северск и другие города. В виду такой перемены дел царские воеводы снова возвращаются на Украину. Между тем Юрий Хмельницкий начинает искать гетманства — его сразу провозгласили Запорожье. Узнав об этом, Выговский как можно поспешнее бежал из Чигирина и назначил раду под Германовкой. Туда же прибыл и Юрий Хмельницкий. Рада была очень шумная и беспокойная: гетмана обвиняли за разорения сел и местечек в левобережной Украине, за жестокия казни над своими врагами, за то будто он продал Украину крымскому хану ж т. д. Мало по-малу пререкание перешло в драку, при чем были убиты некоторые из сторонников Выговского. Сам он едва успел бежать с толпой козаков. Скоро после того в окрестностях Белой Церкви собралась другая черная рада, на которой Выговский отрешен от должности, после чего он сам передал Юрию бунчук и булаву, взявши с него обещание, что Украина останется верной польскому королю, но оказалось, что народ хочет противного.

На этой раде козаки дали подписку, в том что выпустят Выговского жену и детей и пленных поляков, которых держали в Чигирине. Тогда же был заключен договор между московскими послами и Юрием Хмельницким, но уже с важными ограничениями против договора с Богданом Хмельницким. Церковь малорусская должна находиться под благословением московского патриарха, который, впрочем, обязывался не вмешиваться в управление церковными делами в Украине. Каждый житель Малороссии получал право прямо сносятся с Москвою помимо гетмана; против этого условия сильно

возставали старшины, так как оно давало возможность всем недовольным старшинами, посылать в Москву жалобы и доносы. С этого времени Украина облагается данью в пользу московского правительства и договором определяется способ собирания дани. Кроме того, требовались подводы и корм посланникам.

В числе других статей договора была одна, до которой бывший гетман со всем семейством и родственниками объявлялись изменниками и московское правительство требует, чтобы ему выдали Ивана Остаповича с женой, детьми и братом Данилом и чтобы никого, носящего фамилию Выговских не принимать ни в каких должностях, ни в войско запорожское. Данило действительно был выдан и казнен в Москве, а Иван Остапович успел бежать с семьею в пределы Польши.

Так кончилось непродолжительное (1657—1659 г.) гетманство Ивана Выговского. После него усилились смуты, в конец разорившие и деморализовавшие население Украины. „Здесь страшное вавилонское столпотворение, говорит поляк современник, — местечко возстало на местечко, сын грабит отца, отец сына. Цель их; чтоб не быть ни под властью царя, ни под властью короля, и они думают этого достигнуть, ссоря, соседей и угрожая королю именем царя; и обратно. Благоразумнейшие молят Бога, чтоб кто-нибудь — король ли, царь ли скорее забрал их в крепкия руки и не допускал безумной черни своевольничать". В короткое время, один за другим чередуются три гетмана, о Выговском за этот промежуток почти нет известий. Из немногих сведений, сохранившихся за время от 1660 до 1664 г., мы узнаем, что он не помирился с потерей гетманства; следствием которой было уничтожение всего того, что ему с большими усилиями удалось сделать для Украины.

Сложив булаву по требованию черной рады, Выговский с несколькими наемными полками удалился в Котельню, где стояло тогда польское войско. В это время он получил от короля назначение на должность Киевского воеводы, т. е. управителя той части Киевского воеводства, которая осталась

под властью Польши, (сюда входила западная часть нынешней Киевской губ. и восточная Волынской по р. Случ). Из Котельни бывший гетман двинулся к Хмельнику¹⁴). В это время уже начался поход Шереметьева на Польшу; передовые отряды его войска наткнулись под Хмельником на ополчения Выговскаго и рассеяли их, после чего он отправился в Полонное и затем в Дубно. Под Острогом он разбил отряд козаков Цюцюры и, соединившись с польским войском, участвовал в битве под Слободыщем, где, по известию современника, показал большую неустрашимость — он впереди всего войска, вместе с польскими генералами, полез на приступ. Затем он помогал полякам в известной битве под Чудновым, кончившаяся полным поражением Шереметьева. Попавшийся здесь в плен Цюцюра, по приказанию Выговскаго, был казнен в Дубно.

После окончания кампании роль Выговскаго не представляет ничего выдающегося; он большею частью пребывает в Баре, куда король назначил его старостою и официальными делами не занимается. Впрочем, в следующем году он в качестве сенатора, участвовал на сеймике в Житомире. Затем больше двух лет о нем нет никаких известий.

В конце 1663 г. Ян Казимир предпринял поход с целью отвоевать обратно Украину¹⁵). 13 ноября король с сильною армиею перешел за Днепр и занялся осадой левобережных городов, подвигаясь к Глухову; его сопровождали козаки правобережные с гетманом Тетерю, сменившим в 1660 г. Юрия Хмельницкаго. На правой стороне Днепра осталась стража под начальством региментаря Маховскаго; между тем в Брацлавщине произошло возстание крестьян против поляков. Возставшие (Сулима и Вареница), истребив шляхту около Брацлавля, направились против Маховскаго. Узнав об этом, Тетеря приехал из лагеря королевскаго на помощь Маховскому в

¹⁴) К этому времени относится письмо Выговскаго к Яну Казимиру (Памят. изд. Киевск. Археогр. Ком. т. III, стр. 387—391), писанное 2 ноября 1659 г., в котором Выговский, готовясь выступить с войском на помощь осажденному Чигирину, на случай своей смерти поручает королевской милости всю свою семью, в особенности же малолетняго сына Евстафия. Из письма мы узнаем, что родители Ивана Остаповича и его сын находились в безопасном месте, где то в пределах короны польской, а жена его с отрядом козаков была еще осаждена в Чигирине великорусским войском.

¹⁵) См. биограф. Брюховецкаго.

Белую Церковь; они разбили Сулиму под Белой Церковью. Между тем Выговский приехал из Бара в Хвастов и, наблюдая за событиями, издал универсал, в котором, успокаивая шляхту, предлагал возставшим крестьянам прекратить войну, но избрать вместо Тетери другого гетмана. Тетеря понял так, что Выговский косвенным образом самого себя предлагает в гетманы и решил устранить всех, чем-нибудь выдающихся лиц, в которых он мог видеть соперников. При помощи поляков был схвачен и казнен знаменитый сподвижник Хмельницкого полковник Иван Богун; Тетеря обвинил в измене митрополита Иосифа Тукальского и бывшего гетмана Юрия Хмельницкого, постригшагося в монахи под именем Гедеона; оба они были сосланы в Мариенбургскую крепость¹⁶). Затем Маховский схватил в местечке Рокитной Ивана Остаповича Выговского и, не смотря на его протест, что он, как сенатор, подлежит только суду сената, его судили военным судом и через сутки после ареста он был расстрелян в тюрьме в ту минуту, как читал на коленях акафист Пресвятой Богородице. Летописец прибавляет, что жена Выговского, услышав о казни своего мужа, умерла внезапно и похоронена с ним в одном ските¹⁷).

¹⁶) Мариенбург или Мальборк город и сильная крепость в польской или так назыв. королевской Пруссии.

¹⁷) Черниговская лет. стр. 21.

ПАВЕЛЪ ТЕТЕРЯ.

1662—1664 г.г.

ПАВЕЛ ТЕТЕРЯ.

1662—1664 г.г.

Павел Тетеря происходил из малорусскаго шляхетскаго рода, приставшаго к козачеству¹⁸⁾; по другим известиям он был родом из мещан Переяславльских¹⁹⁾, получил хорошее образование — по свидетельству

¹⁸⁾ Лет. Велич. кн. II, 36.

¹⁹⁾ Левицк. Очерки внутр. ист. Малорос.

летописца был „в науце письменной цвечоный и во всяких речах беглый"²⁰). Начал он службу полковым писарем Переяславльским и в 1653 г. получил должность Переяславльскаго полковника. В следующем году, вместе с Самойлом Богдановичем, генеральным судьей, и другими Тетеря, после Переяславльской черной рады, отвозил в Москву грамоту, по которой гетман Богдан со всей Украиной добровольно принимали подданство Московскаго царя. После этого, в течении почти двух лет, нет никаких сведений о Тетере. Затем, когда Богдан Хмельницкий, чувствуя приближение смерти, 6 августа 1656 г., созвал на раду всю старшину козацкую, которая должна была еще при жизни выбрать ему преемника, то указывал на Тетерю; как на одного из кандидатов на гетманство в числе других полковников. В продолжении гетманства Выговскаго и затем Юрия Хмельницкаго, Тетеря постоянно принадлежал к числу старшин, которые стояли за присоединение Украины к Польше. В переписке польских вельмож Выговский и Тетеря постоянно упоминаются вместе, из чего можно заключить, что Тетеря был самым деятельным его помощником.

Он принимал участие в первом посольстве к царю, которое отправил Выговский с уведомлением об избрании его гетманом. В 1658 г. Тетеря, от имени гетмана Выговскаго ведет переговоры с Беневским о соединении Украины с Польшей; он заключает и подписывает в Межириче договор с условиями подданства Польше, служивший как бы приготовлением к Гадячскому договору. В том же году Тетеря опять был отправлен послом в Москву и привез на Украину грамоту с объявлением царской милости за избиение Выговским послов запорожских, ездивших с доносом на него. В ноябре 1660 г. Тетеря, по настоянию Беневскаго, получил должность генеральнаго писаря и тогда же совещался с ним о средствах уничтожения Гадячскаго договора. В феврале 1662 г. он упоминается в актах с польским чином стольника Полоцкаго, он получает от сената инструкцию на ведение переговоров от имени короля с ханом и гетманом запорожским.

²⁰) Лет. Вел. II, 38.

Находясь под давлением всеобщего недовольства, Юрий Хмельницкий последовал наконец совету приближенных опытных людей, и главным образом родственника своего Павла Тетеры (женатаго на его сестре Елене, вдове Данила Выговскаго) и, в начале октября 1662 г. оставил гетманское достоинство и постригся в монахи, назначив Тетерю наказным гетманом. Через несколько дней, в средних числах октября, Тетеря созвал в Чигирине представителей правобережной старшины и черни на раду, на которой и был выбран гетманом, под условием оставаться со всем войском запорожским во владении короны Польской. Избрание было не единогласным, так как многие сторонники Великороссии сильно протестовали против выбора лица, преданнаго Польше. Тотчас по избрании, Тетеря открыто перешел на сторону поляков. Сохранился целый ряд его писем к королю, относящихся к этому времени, в которых он просит о присылке коронных войск, чтобы с их помощью выгнать Орду и привести левобережную Украину к подчинению Польше.

Новому гетману немедленно пришлось вступить в борьбу с левобережным гетманом Сомком, а после падения последнего с его преемником Брюховецким, которые стремились объединить под своею властью оба гетманства.

В тоже время запорожцы, услышав об избрании гетманом Тетери и зная его приверженность к полякам, пишут ему, по обычаю, от всего коша письмо, в котором признают нового гетмана и определяют свои отношения к нему. Вместе с тем они советуют гетману оставить союз с поляками, предостерегая, что, в противном случае, с ним будет поступлено так, как запорожцы грозили Юрию Хмельницкому. Из письма этого видно, что к прежним опасениям — водворения шляхетскаго порядка на Украине, прибавился еще страх введения унии. Но Тетеря не обратил внимания на предостережение запорожцов, которые были выразителями общественного мнения народной массы, потому в скором времени начинаются против него возстания, причем запорожцы постоянно оказывают поддержку

возстававшим. Первым по времени было возстание Поповича, в мае 1663 г., в котором мы видим протест народный против шляхты. Иван Попович, полковник Паволоцкий, в виду возобновлявшагося господства поляков на Украине, завел сношения с великорусским Киевским воеводою, и стал оскорблять и изгонять шляхту, из своего полка, за что Тетеря хотел его казнить, сделавшись гетманом. Попович обратился с просьбой о заступничестве к некоторым полковникам, сотникам и наконец к митрополиту и Гедеону Хмельницкому, обещая принять священство, если его оставят в живых. По ходатайству этих лиц гетман простил Поповича и даровал жизнь, после чего тот действительно рукоположился в священники.

Но не прошло и года, как Иван Попович, видя „какия пакости делают ляхи и жидаы священникам " и вообще православным, принял опять звание полковника и возобновил сношения с киевским воеводою, обещая склонить на свою сторону козаков и снова привести правобережную Украину в подданство царю. Получивши от воеводы царскую грамоту, Попович начал готовить возстание против Тетери. Войдя в соглашение с Сомком, левобережным гетманом, он возвратился в Паволочь и истребил в территории своего полка всю шляхту, которая надеясь на покровительство Тетери, возвращалась в свои имения на Украине, а также евреев и богатых мещан. Очевидно, возстание носило чисто простонародный характер. Со всех сторон начали стекаться и группироваться вокруг Поповича черный народ; составлялись отряды, расходившиеся из Паволочи в разные стороны, в свою очередь вербовали к себе всякий люд, грабили и убивали купцов и т. д. Соединившись с Сомком, Попович дал полякам целый ряд битв, постоянно разбивая их. В это время на помощь полякам явилась часть старшины козацкой — полковники и сотники, присягавшие на верность королю и Речи Посполитой. Они соединенными силами осадили Поповича в Паволочи со всем его отрядом, доходившим до 1000 человек. Не желая подвергать город приступу и разорению, Попович добровольно вышел из города и предался с пятнадцатью товарищами в руки Тетери. Остальное ополчение, состоявшее

под начальством Поповича, просило милости, которая и была им оказана: отобравши у них оружие и коней; ограбивши и поколотивши палками и обухами, им дали свободу; по выражению летописца „живых пустили, даруя здоровьем "²¹).

15 июня того же года Иван Попович был казнен; смертью его было подавлено это возстание. Летописец передает подробности казни: „15 июня этот поп приговорен к такой смерти: сперва раскаленным кирпичем или камнем стереть „гуменцо", что и было исполнено; затем он отдан был в руки палача, который его пытал. Гетман Тетеря никого не пускал к подсудимому, приказал палачу приложить ему к боку раскаленное железо, потом велел и палачу отойти, а сам, взявши бумагу ж чернило, допрашивал: кто его подговаривал к возстанию или же он сам его задумал и кого из полковников или сотников он мог бы называть. Палач несколько раз пытал несчастного и после каждого раза отступал от него на некоторое расстояние, а Тетеря допрашивал с глазу на глаз; потом приказал отрубить руки и ноги, а туловище лежало несколько часов на площади и затем было сожжено"²²)

В одно время с Поповичем погиб и его союзник Сомко, казненный соперником своим Брюховецким, получившим гетманство на левой стороне Днепра. Брюховецкий задумал отнять у Тетери Чигиринское гетманство, он приготовился к походу и уже дошел до Кременчуга, но тут услышал о походе Яна Казимира на Украину и поспешно возвратился в Гадяч, откуда повел оборонительную войну.

Весною 1663 г. Ян Казимир просил сейм помочь ему возвратить под власть Польши левобережную Украину. В первых числах октября польское войско собралось у Глинян под начальством короля, который привел с собою немецкое затажное войско. Из Глидян король двинулся в Украину и 30 октября прибыл в Белую Церковь; тут встретил его гетман Тетеря и тотчас, возвратившись в Чигирин, собрал войско, с которым отправился вслед за королем под Глухов; с ним были прежние сподвижники Выговскаго: Богун,

²¹) Ерлич II, 76.

полковник Поднестрианский, Гуляницкий, бывший полковник Нежинский — и другие. Но уже в феврале Тетеря принужден был воротиться в Белую Церковь, получивши известие, что Выговский вышел из Бара, и, пользуясь возстанием крестьян на правом берегу Днепра, намеревается возстановить свое прежнее гетманство. Возвращаясь на правый берег, Тетеря оставил с королем старых полковников из страха, чтобы они не перешли на сторону Выговскаго. Явившись в Белую Церковь, Тетеря вызвал к себе Выговскаго будто для переговоров; они сошлись в местечке Рокитной, тут Выговский вместо переговоров был схвачен и казнен.

Между тем Поляки, переправившись через Днепр, стали брать штурмом левобережные города, не сдававшиеся добровольно и истребляли их жителей; в тех городах, которые не оказывали сопротивления, они оставляли свои гарнизоны. Так они подвигались от Ржыщева вдоль по Днепру, Десне и Остру по направлению к востоку. Сильные укрепленные города: Остер, Нежин, Батурин, совсем не подвергались нападению: король обходил их, не желая тратить ни времени, ни войска. 15 января он прибыл в Кролевец, где в течении недели ждал к себе гетмана Тетерю, но, не дождавшись, пошел дальше, чтобы помешать Брюховецкому войти в Глухов. Осадивши Глухов, поляки окружили его валами и подвели несколько подкопов, но безуспешно; горожанам удавалось открывать подкопы и вынимать из них порох. Наконец подошел Брюховецкий; в сражении с ним поляки были разбиты, после чего король через Белоруссию возвратился в Польшу.

Еще до ухода короля из под Глухова, Тетеря, чтобы обезопасить свое гетманство от всяких притязаний, нашел необходимым истребить всех тех из старших, кто мог быть ему опасен в этом смысле. Он послал королю, занятому осадой Глухова, донос об измене козаков, бывших в лагере в количестве нескольких тысяч, и главным образом на их наказного гетмана Богуна; донос состоял в том, будто Богун, его старшины и вообще все козаки давали знать в Глухов, в какой день или ночь осажденные должны были

²²) Ерлич II, 80, 87.

остерегаться приступа, при чем наказной гетман послал к ним на помощь и несколько сот козаков. Извещал, в каких местах под валами были подкопы, и таким образом осажденные могли выбирать подложенный порох ; два раза посылал им уведомление, где можно легко разбить королевское войско. Далее, Богун известил будто бы Шереметева и Ромодановскаго о местах стоянок польских войск. Очевидно, все это были предположения были выдумки, но Тетеря решился на такой донос, чтобы так или иначе избавиться от опасных для него старшин. Результатом этого было то, что Богун и все, поименованные в доносе, были разстреляны, как изменники, по приказанию короля.

При том король, уходя из Украины, взял с собою, как людей опасных тоже по доносу Тетери, Гедсона Хмельницкаго, Гуляницкаго и митрополита Иосифа Тукальскаго, которые были сосланы в прусскую крепость Мариенбург, где пробыли в тюрьме несколько лет.

После ухода короля из Украины, значительный отряд польскаго войска, под предводительством Чарпецкаго, возвратился на правый берег, разоряя непокорные гетману города и местечки. Тетеря в это время был занят усмирением народного возстания около Коростышова и Паволочи; вызваннаго размещением на постой кварцянаго войска. На помощь возставшим с юга шли запорожцы под предводительством Сирка. Чарнецкий направился к Чигирину, на пути своем разгоняя отряды возставших крестьян, взял Канев и Белую Церковь, отдал Стеблев на ясир²³⁾ союзным татарам, сжег Бужин и Суботов и выбросил из гробов тела Богдана Хмельницкаго и его сына Тимоша. Но все эти меры не привели ни к каким существенным результатам ; хотя Чарнецкий осадил Сирка в Бужине, но кошевой в самый день Светлаго воскресения успел пробиться из города, перебил множество поляков и возвратился на Запорожье, после чего Чарпецкий осадил Ставище и при осаде его был тяжело ранен.

В это время Брюховецкий, собравши войско, отправился добывать

²³⁾ На разграбление.

Чигирин, на пути взял Черкасы, но под Чигирином ничего не успел и был прогнан Тетерю. Положение последнего, после ухода короля было весьма тягостно; он должен был отбиваться от Брюховецкаго и помогавших ему московских сил, а между тем рассчитывать на поддержку народонаселения, он не мог, общественное мнение народа давно было настроено недружелюбно к Тетери, в котором видели, не без основания, лишь покорное орудие Польши; оно находило сильную поддержку в Запорожьи; Тетеря считал положение свое безвыходным и решался оставить гетманство. Еще во время приближения Сирка он готовился бежать в Польшу, что вероятно и исполнил бы, если бы не явился на выручку Чарнецкий; после удаления последнего, Тетеря оставил Чигирин и переехал на жительство в Корсунь, взявши с собою часть старшины, клейноды и казну войсковую. Но и в Корсуне он пробыл не долго.

В январе следующего года, Брюховецкий уже советуется со своими полковниками о средствах изгнания Тетеры из Украины, с целью соединения всей территории под своею властью, весною он открыл военные действия: отправил Лубенскаго полковника Гамалию к Чигирину в полной уверенности, что теперь легко будет взять город; но Чарнецкий послал несколько хоругвей войска в подкрепление осажденным, которые мужественно сопротивлялись. В это время Тетеря, для обороны Чигирина нанял татар, с помощью которых Чарнецкий несколько раз под Каневом разбил Брюховецкаго и принудил его возвратиться за Днепр. Сам Тетеря не участвовал в этом отражении; еще при начале столкновения, он уехал в Польшу, под предлогом какого-то дела к королю, забравши войсковую казну и все знаки гетманскаго достоинства, а управление краем поручил старшине и наказному гетману Ханенку. В Украину Тетеря уже не возвратился. Взамен потеряннаго гетманства и в награду за верность королю, он получил богатое поместье на Волыни, местечко Колки, где и доживал веку в качестве помещика.

В продолжении пяти лет, до 1670г., о Тетере нет никаких известий и

только в 1670 г. из отчета Острожской комиссии мы узнаем, что, отправляясь в Польшу, Тетеря, кроме казны и клейнодов, взял еще с собою документы, гарантировавшие права и привилегии Украины. В грамоте короля Михаила, 22 декабря 1670 г., утверждающей Острожскую комиссию с войском запорожским говорится, что „козакам не следует заявлять королю своих претензий на Тетерю, так как им раньше было объявлено, чтобы позывали его на суд трибунала; будучи извещен об этом бывший гетман нарочно проживал в Варшаве и сам хотел разведаться судом, имея средства к защите, желал даже суда, для прекращения претензий против него; но не мог дожидаться его. Козаки же не воспользовались во время и пренебрегли представленной им возможностью, а теперь когда он находится за пределами Речи Посполитой, никакой суд, ни даже королевский, не может сделать с него взыскания". По всей вероятности дело ждет о захваченных им войсковых клейнодах и сокровищах. После этого мы не имеем больше известий, относящихся к личности Тетери.

ДЕМЬЯНЪ МНОГОГРѢШНЫЙ.

1668—1672 г.г.

ДЕМЬЯН ИГНАТЬЕВИЧ МНОГОГРЕШНЫЙ

1668—1672 г.г.

О происхождении и начале служебной деятельности Демьяна Игнатъевича Многогрешнаго не сохранилось известий. В современном ему обществе он не пользовался уважением, как человек незнатнаго происхождения, — „мужичий сын“, по отзыву современников. Первое

документальное известие о нем относится к 1649 году. В реестре козацкого войска, составленном вследствие Зборовского договора; он записан в должности войскового есаула. В декабре 1650 г. Демьян Многогрешный, находясь в том же звании, вместе с Брацлавским полковником Нечаем, явил в книгу гродскую Киевскую королевскую грамоту, подтверждающую статьи Зборовского договора.

В следующем году, во время войны, предшествовавшей Берестецкой битве; Многогрешный, с отрядом козаков, был послан Богуном в погоню за поляками, отступавшими от Каменца, но под Купчинцами потерпел поражение. Затем, в течении шести-семи лет о нем нет сведений. В 1668 г. мы встречаем Многогрешного в звании Черниговского полковника.

В первых числах января этого года гетман Брюховецкий собрал в Гадяч на раду всю старшину левобережную, которая вместе с ним порешила, отложиться от подданства Москве, прогнать воевод и поддаться турецкому султану. Так как летописец ясно говорит, что на раде присутствовали все левобережные полковники, а Многогрешный был уже в это время Черниговским полковником, то более чем вероятно, что он также был, на раде и вместе с другими приносил присягу в том, чтобы отложиться от Москвы. Последовало изгнание воевод из большей части городов левобережной Украины. В Чернигове „мисто" (неукрепленная часть города) было опустошено и сожжено, но замок, где заперся воевода с великорусским гарнизоном, целое лето без успеха осаждался козаками и посольством. Однако Многогрешный не долго оставался верен принятому обязательству. Весною того же года князь Ромодановский с великорусскими войсками осадил козаков в Котевли, после чего козаки, оставивши Брюховецкого, вошли в сношения с Дорошенком, приглашая его на левый берег Днепра, где его обещали признать гетманом. Многогрешный был одним из первых полковников, изменивших Брюховецкому.

Дорошенко принял приглашение и, сделавшись гетманом обеих сторон Днепра (1668 г.), начал с того, что освободил Котевлян от осады, прогнал

Ромодановскаго, после чего продолжал дело изгнания воевод. Вскоре однако, будучи в Путивле, получил из дому известие, призывавшее его в Чигирин. Он оставил наказным гетманом Демьяна Многогрешнаго и наказал, во чтобы то ни стало, прогнать воевод из Переяславля, Нежина и Чернигова, не подозревая, что Многогрешный втайне благоприятствует Москве и только ждет случая открыто перейти на ее сторону. Пользуясь неурядицами в левобережной Украине, происшедшими через предводителя запорожцев, Суховия и союзных с ним татар, наказной гетман вошел в соглашение с князем Ромодановским; когда же, с наступлением зимы, запорожцы с татарами разошлись по домам, Многогрешный уже прямо начал сношения с московским правительством и всеми средствами старался войти в милость при Московском дворе. Так например, отпустил всех царских людей, содержавшихся под караулом в Борзне, Соснице и Погаре, взятых под стражу во время изгнания воевод Дорошенком. Кроме того, он сумел заслужит покровительство Черниговскаго архиепископа, Лазаря Барановича, пользовавшагося большим авторитетом как на Украине, так и при московском дворе, и Шереметьева посылавшаго благоприятные отзывы о нем в Малороссийский приказ. Однако, не смотря на все заискивания, Многогрешному пришлось, отправляя в Москву посольство с просьбою о разрешении избирательной рады, просить между прочим упразднения воевод в малороссийских городах, до того отвращение к ним было всеобщим. Впрочем эта просьба и на этот раз, как и прежде, не была уважена.

Заручившись покровительством в Москве, Демьян Игнатьевич задумал из наказного сделаться полновластным гетманом левой стороны Днепра. С этою целью, по отшествии Суховия в конце 1668 года, он составил отряды, по большей части из нанятых шляхтичей и, собравши войско, на которое мог опереться в случае нужды, созвал под предлогом рады, в Новгород-Северске ближайших городских полковников, которые, запертые во дворе, принуждены были предложить ему левобережное гетманство. Многогрешный, как того требовал обычай; долго отказывался; по

выражению летописца „одмовлявся, як стара дивка хорошего жениха“, но наконец согласился и принял присягу в верности от своей старшины. В это самое время возвратились из Москвы Максаковский игумен Ширкович и обозный Петр Забела, посланные еще в прошлом году советом левобережной старшины испросить у царя прощения за измену Брюховецкаго. Послы принесли грамоту, до которой, вместе с прощением всему народу левобережному и старшине, разрешалось выбрать себе отдельного гетмана, так как Дорошенко с правобережной Украиной отдан был полякам по Андрусовскому договору и следовательно не мог править левым берегом и подчиняться двум государям.

3-го марта 1669 года собрана была в Глухове генеральная рада, на которой снова гетманом выбран Демьян Игнатьевич; он принес присягу на верность царю. Здесь в присутствии князя Ромодановскаго и других чиновников, присланных из Москвы, и архиепископа Лазаря Барановича постановлены были новыя договорныя статьи, в которых повторялся договор, заключенный с Богданом Хмельницким, с некоторыми изменениями, клонившимися к ограничению местного самоуправления.

Вскоре после Глуховской рады новый гетман получил царскую подтверждающую грамоту, по которой Алексей Михайлович, в знак прощения малороссиянам всех их прежних измен и шалостей, отпускал на Украину 258 человек пленных, взятых в предыдущих битвах.

Получивши известие об избрании Многогрешнаго, Дорошенко не мог так легко помириться с „умалением своего рейменту“. Не теряя времени, он отправил часть своего войска на левый берег Днепра, с приказанием всеми средствами отклонять народ от Многогрешнаго и привлекать к подчинению прежнему гетману. Демьян Игнатьевич, в свою очередь, выслал против этого войска наказного гетмана Стрыевскаго с городовыми и компанейскими полками. В первой битве под Рогинцами, Стрыевский разбил войско Дорошенка; затем борьба тянулась с переменным счастьем до половины сентября, пока наконец Дорошенко не отозвал обратно войско, успевшее

привести в подчинение ему всю Лубенщину и часть прилежащих к ней полков.

После этого Многогрешный еще не сразу успокоился на гетманском уряде: он больше года употребил на подчинение себе леваго берега. Только в 1670 году ему удалось наконец овладеть всей левобережной Украиной. В летописи сохранился один эпизод из этой внутренней борьбы, показывающий, как мало козацкие предводители обращали внимания на благосостояние народа, когда дело шло об удовлетворении своего личного честолюбия. Воспользовавшись тем, что после Острожской комиссии Дорошенко, занятый деятельными сношениями с Турцией, оставил без защиты Лубенщину, Многогрешный послал туда компанейский полк под предводительством Кияшка, который очень круто повел дело объединения левобережной Украины: он „безчеловечно и тиранско вырубаль" людей, выезжавших из сел и городов за припасами. Вследствие таких жестокостей территория Лубенского полка и прилежащие к ней местности, где дольше всего держались сторонники Дорошенка, принуждены были наконец покориться Многогрешному.

Покоренное силою население, естественно, не могло дружелюбно относиться к гетману и тот, не уверенный в своей личной безопасности, решился выбрать новую резиденцию; по его просьбе Московское правительство указало ему новую столицу, Батурин; и прислало отряд стрельцов для охранения его особы. С этого времени вошло в обыкновение посылать гетману отряд телохранителей, которых он должен был содержать и которые наблюдали за его действиями.

Не имея другого способа отомстить своему противнику, Дорошенко исходатайствовал у Константинопольского патриарха соборное его проклятие, что тотчас-же сделалось известно всей Украине. Сначала Многогрешный не придавал этому значения, но случившееся с ним вскоре несчастье (аппopleксический удар) и сам он, и его современники сочли следствием этого проклятия. Тогда он обратился к царю с просьбой

ходатайствовать перед патриархом о снятии с него отлучения и о том, чтобы, в случае его смерти, даровали наследственное имение в Черниговском или Стародубском полку его семейству — матери, жене и детям — «где бы они могли вести мирное житие». Скоро он получил грамоту на просимыя земли вместе с разрешением от патриарха. Вероятно в это время он начал строить церкви в Нежине и Батурине; кроме того обещал построить в Братском монастыре церковь и устроить школу.

Желая в свою очередь подавить соперников, Многогрешный прибегает к постоянным доносам: уже в апреле 1669 года был послан в Москву генеральный судья Самойлович; вместе с челобитной, составленной на основании Глуховских статей, он привез от гетмана донос на Дорошенка в том, будто бы тот поддался турецкому султану и бранил московского царя. Были присланы даже стати договора, заключенного Дорошенком с султаном; подлинность их сомнительна, но во всяком случае они интересны для нас тем, что в них высказываются желания людей, пытавшихся всеми средствами доставить Украине политическую автономию. Вслед за тем, в начале 1670 года, Многогрешный доносил в Малороссийский приказ о неблагонадежности запорожского гетмана Ханенка и о дружбе его с Крымским ханом. В 1671 году Многогрешный задержал послов Ханенка, возвращавшихся с острожской комиссии, и держал под стражей, пока не получил из Москвы приказа выпустить их. Кажется в том же году Многогрешный принимал участие в усмирении Разина, а именно он задержал и отправил в Москву одного из его агентов и затем послал на помощь великорусским войскам против Разина отряд козаков под предводительством генерального есаула Гвинтовки и своего брата Василия.

Выказывая полнейшую преданность Московскому правительству, Демьян Игнатьевич вначале поддерживал хорошие отношения с великорусскими наместниками: Ромодановским; Шереметевым и др., чтобы иметь сильных сторонников, и, по-видимому успел в этом: на все его посольства из Москвы получались дружелюбные ответы, доносы его

принимались благосклонно, хотя им не придавали большого значения. В действительности же положение его становилось непрочным: гетман настаивал на том, чтобы точно определены были границы с Польшею и указывал необходимость присоединения к Малороссии пограничного города Гомля, жители которого прислали о том челобитную, жалуясь на притеснения польских урядников; предложение это было отклонено боярскою думою, но гетман, не смотря на полученный отказ, принял Гомель под свое покровительство. На просьбы гетмана об определении границ приходили уклончивые ответы, что Московское правительство в свое время договорится с поляками о границах, а гетману сообщат о результатах. В малороссийском приказе Многогрешному ставили в вину неисполнение статей Глуховских: вопреки условию он не высылал обратно крестьян, беглых из Великороссии, а напротив принимал их и позволял селиться в своих владениях.

С другой стороны гетман завел с Дорошенком сношения, возбуждавшая подозрения старшин, которые немедленно сообщали о них в Москву: сношения эти состояли в следующем: когда в 1671 году польский полковник Пиво начал грабить окрестности Киева, то Многогрешный, сообщив в Москву свои опасения по этому поводу, разрешил своим козакам переходить к Дорошенку и вместе с ним воевать против поляков.

В начале февраля следующего года гетман прямо заявил перед московскими послами о том, что Дорошенко состоит с ним в постоянной переписке и на и навеки с ними помирился; что Дорошенко не только отказался от притязаний на левую сторону Днепра, но и даже поверг наказанию своих союзников, татар, пограбивших левобережных жителей. Сверх того Многогрешный высказывал желание, чтобы царь принял Дорошенка в свое подданство. Все это доказывало хорошия отношения между двумя гетманами, чем не замедлили воспользоваться враги Демьяна Игнатьевача. Враждебно же к нему относилась вся старшина козацкая; она не могла простить Многогрешному насильственного его избрания, притом

личный характер гетмана постоянно усиливал раздражение в среде старшин.

Демьян Игнатьевич Многогрешный был человек нрава вспыльчиваго и необузданнаго; чувствуя свою силу, он злоупотреблял правом безконтрольнаго суда над старшинами, которым пользовались гетманы. Из „статей" гетмана Самойловича, мы узнаем, что Демьян Игнатьевич, под видом суда, позволял себе разнаго рода жестокости и притеснения над старшинами, часто в нетрезвом виде доходил до того, что, в случае противоречия, бросался на старшин, бил их и даже рубил саблею; притом гетман без суда смещал их с урядов и на их место назначал своих родственников и друзей. Так в 1671 году он лишил должности Переяславльскаго полковника Дмитрашка-Райча и управление Переяславльским полком поручил генеральному бунчужному Стрыевскому. Далее, гетман лишил уряда Стародубскаго полковника Рославца, а на его место поставил своего родственника Шуменка; Черниговский полк отдал брату своему, Василию Многогрешному, я вообще все важныя должности старался заместить близкими людьми.

Сознавая недовольство старшины, гетман сделался очень подозрителен, он запретил своим старшинам всякия сношения с начальниками стрелецкими и с великорусскими послами.

Все эти причины; вместе взятыя, давали богатую почву для доносов, от которых особенно страдала Украина того времени.

Действительно, еще в начале 1671 года, едва успел Многогрешный утвердиться на гетманском уряде, на него поступил донос от Ханенка в том будто он вместе с Дорошенком, думает поддаться султану. Этому первому доносу в Москве не придали значения, но раз он был принят, то этим самым обеспечивался прием доносов и на будущее время.

В начале следующего года на гетмана начали поступать доносы от стрелецкаго начальника Неелова и от старшин; генеральнаго обознаго Петра Забелы, войсковых судий Самойловича и Домонтовича, полковника Дмитрашка-Райча и генеральнаго писаря Мокриевича. Они жаловались на

самоуправство гетмана над семейством Киевского полковника Константина Солонины, доносили о дружелюбных сношениях с Дорошенком, о том, что гетман на бенкетах сам пьет за его здоровье и других заставляет пить; что он собирается будто бы ехать к нему на свидание в Киев и помогает ему деньгами, будто он хочет женить своего племянника, Михайла, на дочери Дорошенка. Сверх того, прибавляли, будто гетман позволяет себе резкия выражения против царя; запрещает старшинам видеться с московскими людьми и следит за их действиями через своих слуг. Будто гетман уверял старшин, что царь требует их всех в Москву, чтобы оттуда удобнее сослать их в Сибирь. Наконец будто бы гетман готовился избивать царских чиновников в Батурине и других городах.

В половине апреля начался суд над Многогрешным. Обвинительными пунктами были поставлены присланные на него доносы. Сначала Демьян Игнатьевич все отрицал, отвечая на все обвинения, что он человек простой и, если что-нибудь в его поступках и подало повод к подозрению в измене, то все это было им совершено без всякаго преступнаго умысла; в последствии, под пыткой, он сознался в сношениях с Дорошенком, хотя отрицал измену и все другия обвинения и уверял, что действовал без сообщников.

Вместе с бывшим гетманом привлечены были к суду: брат его Василий Многогрешный и бывшие друзья его: генеральный есаул Гробович и Матвей Гвинтовка; хотя последний и отрекся от дружбы с бывшим гетманом и поспешил с доносом немедленно после его ареста. Все они отрицали обвинение гетмана в измене и давали показания, по-видимому вполне оправдывавшия их.

По старинным правам козацким они сами, войсковым судом, должны были судить гетмана и старшину. Поэтому Алексей Михайлович предлагал отправить подсудимых на Украину, но старшины, управлявшие краем, просили не присылать Демьяна Игнатьевича, в виду могущих произойти на Украине волнений, а судить его в Москве. Что народ не был доволен таким самоуправством старшин, можно видеть из отписки князя Ромодановскаго в

Москву о народном волнении, когда старшины опасались, чтобы народ не избил их. Узнавши о несчастье, постигшем Многогрешного, и желая облегчить его участь, Дорошенко писал Киевскому воеводе, что в характере его сношений с Демьяном Игнатьевичем не было ничего предосудительного, так как они велись исключительно с целью упрочить мир между обеими частями Украины, что могло вести скорее к славе, чем к безчестию царя. Однако это обстоятельство нисколько не послужило в пользу Многогрешному, а скорее было обращено против него.

Демьян Игнатьевич Многогрешный и его брат были приговорены к смертной казни, но перед самым исполнением приговора на площадь принесен указ, по которому смертная казнь заменялась вечной ссылкой в Сибирь вместе с их семьями и другими подсудимыми. На другой день им объявлена была царская милость, а именно: Демьяну Игнатьевичу ассигновалось на дорогу 15 руб., Василию—10, остальным по 5 рублей и позволялось взять с собою самые необходимые для обихода вещи. Небольшое имущество бывшего гетмана приказано было употребить на постройку церквей, которых он начал строить. В Москву прислано было семейство Демьяна Игнатьевича — его жена, два сына и дочь, племянник Михайло и две работницы, — после чего все осужденные вместе были отправлены в Тобольск и затем определены в козачью службу и разосланы по разным городам. Демьян Игнатьевич был отправлен на жительство в Селенгинск, где был приписан в дети боярские. Жил он в ссылке довольно долго. В 1688 году он, вместе с сыном Петром, принимал участие в усмирении возстания восточных Бурят. Это последнее известие о нем; о мужеском потомстве его ничего не известно, потомки же его дочери до половины XVIII столетия встречаются в Селенгинске.

ИВАНЪ БРЮХОВЕЦКІЙ.

1663—1668 гг..

ИВАН МАРТЫНОВИЧ БРЮХОВЕЦКИЙ.

1663—1668 г.г.

Первое упоминание о Брюховецком мы встречаем в 1650 году в „реестре войска Запорожскаго“, где он записан в гетманской Чигиринской сотне; назван он в „реестре“ — „Мартынец Хмельницкаго“. — Летопись Величка объясняет нам причину этого страннаго определения, — Брюховецкий был

привязан лично к Хмельницкому и исполнял при нем должность старшаго слуги. После смерти Богдана, он в той же должности сопровождал молодого Юрия Хмельницкаго в Киев, куда последний отправился с целью учиться в академии.

В 1659 году; когда Гадячский договор возбудил народное неудовольствие против Выговскаго, Юрий Хмельницкий решился заявить свои права на гетманство и отправил Брюховецкаго в Сечь для того, чтобы снискать себе поддержку запорожцев. Мы знаем, что поручение это было успешно исполнено и вскоре Юрий Хмельницкий был провозглашен гетманом. Впрочем, не смотря на важность оказанной услуги, Брюховецкий в это время разстался с Юрием. Молодость и бездарность новаго гетмана не давали надежды на то, чтобы его дружба и милость могли доставить блестящую карьеру его приближенным, между тем смутное положение края и невыработанность общественных принципов среди массы народонаселения и ея представителей, открывали широкое поле для личного честолюбия и гарантировали успех людям безпринципным, способным на ловкую интригу, умеющим мирволить бессознательным страстям массы, и не считающимся с совестью для достижения личных целей. Брюховецкий представлял всецело подобный тип и решился воспользоваться случаем для того, чтобы выдвинуть свои честолюбивые замыслы. Единственную группу, относившуюся в то время безкорыстно в делах родины представляло Запорожье, — конечно в Запорожьи не было ни политическаго развития, ни весьма ясно сознанных и категорически развитых принципов, но при их отсутствии было признанное всем народом южной Руси — стремление стоять за правду, в том виде, в каком эту правду сознавал народ — стремление это выражалось: непримиримою антипатиею к Польше, отрицанием шляхетских порядков, будут ли они выражаться возвратом польской шляхты, или сословными привилегиями собственной старшины, наконец желанием остаться верным русскому царю и Переяславльскому договору 1654 года. Протест против всех попыток, стремившихся нарушить

эти народные убеждения, встречал всегда горячую поддержку и почин в Запорожьи. Ясно было для всякого честолюбиваго искателя власти, что выдвинуться вперед, сделать карьеру, захватить власть можно будет легче всего тому, кто сумеет склонить на свою сторону низовую общину и опереться на ее поддержку и авторитет. Брюховецкий понял это положение дел и после избрания гетманом Юрия Хмельницкаго, вместо того, чтобы искать повышения и наград у новаго гетмана, остался жить в Сечи, где он провел три года (1659—1662 г.г.); выдавая себя за искренняго поборника народной черни, за врага аристократических посягательств старшин, он успел снискать себе уважение и популярность в среде низовых братчиков, „он жил, по словам летописи, в доброй захованю и в ласце всего войска Низового“.

Между тем Юрий Хмельницкий оказался совершенно неспособным к отправлению гетманской должности. При первом серьезном столкновении (во время похода Шереметьева под Чуднов 1660 г.) он растерялся, изменил только что данной присяге и возобновил с Польшею Гадячский договор, подчинивший Украину польской короне. Поступок этот вызвал негодование в народе; полки, лежавшие на левой стороне Днепра, отказались от повиновения Хмельницкому, и объявили о необходимости выбрать новаго гетмана, вернаго царю. Во главе движения стояли: нежинский полковник Василий Золотаренко и переяславльский — Яким Сомко — каждый из них рассчитывал на возможность склонить выбор в свою пользу — они стали соперничать между собою, клеветать друг на друга и в Москве и на Украине и тем взаимно ослабили шансы своего выбора. Этим положением дел воспользовался Брюховецкий — летом 1662 года он явился из Сечи с отрядом запорожцев в стан князя Григория Григорьевича Ромодановскаго, главнаго начальника русских войск в Малороссии; он предложил ему свои услуги для похода против Хмельницкаго, заявив при этом условие, что он желает находиться исключительно под начальством князя, но не хочет подчиняться ни Сомку, ни Золотаренку. Находясь в течении нескольких

недель в лагере воеводы, он успел снискать вполне его расположение, и заподозрить способность и благонадежность полковников, претендовавших на гетманство. Сопровождавшие его запорожцы выставляли его единственным народным и верным царю кандидатом, упрекая Сомка и Золотаренка в том, что они принадлежат к кружку старшин пропитанному шляхетскими стремлениями и потому раньше или позже изменят в пользу Польши. Благодаря благосклонной рекомендации князя Ромодановскаго, правительство стало смотреть на Брюховецкаго, как на самага для себя желательнаго гетмана. В 1663 году последовал царский указ о производстве выбора новаго гетмана; для руководства им прибыл в Малороссию окольнічий князь Великогагин и созвал избирателей в Нежин; но по настоянію Брюховецкаго и запорожцев созвана была не козацкая рада, а так называемая «Черная», т. е. рада, в состав которой должны были входить не только козаки, но и все другія сословія края. Выборы произошли среди страшнаго безпорядка: толпа запорожцев и крестьян вынесла на руках Брюховецкаго, вручила ему знаки достоинства и провозгласила гетманом, разогнав побоями его противников; вслед за тем она отправилась грабить имущество Сомка, Золотаренка и сочувствовавшей им старшины. На следующий день окольнічий подтвердил состоявшийся выбор и приказал арестовать важнейших представителей партии старшин — они были выданы Брюховецкому, который, несколько месяцев спустя, приказал казнить смертью в Борзне полковников: Сомка, Золотаренка и Силича, многих же сторонников их отправил в ссылку в Сибирь.

Первые три года гетманства Брюховецкаго прошли в непрерывной войне с гетманом, сменившим Юрия Хмельницкаго на правом берегу Днепра, — Павлом Тетерею и с поляками, оказывавшими последнему поддержку. В 1663—1664 годах козаками отражена была последняя попытка поляков овладеть левым берегом Днепра. Король Ян Казимир предпринял с этою целью поход с значительными силами, но, благодаря отчаянному сопротивленію козаков и помощи своевременно поданной князем

Ромодановским, должен был отступить с большими потерями после неудачной осады Глухова. С другой стороны усилия Брюховецкаго, направленные к тому, чтобы подчинить себе города и полки, лежавшие на правой стороне Днепра не имели успеха: он овладел на время Каневом; Черкассами и Белою Церковью, предпринимал оттуда разорительные походы внутрь страны, но взять Чигирин не мог и вскоре был оттиснут на левый берег Днепра Тетерою и союзными с ним польскими войсками.

Между тем внутреннее управление Брюховецким странною не оправдало возложенных на него народом надежд; достигнув гетманства он, правда, казнил или сослал многих старшин, но немедленно вместо них поставил новых из числа своих приближенных и укрепил их власть, окружив каждого многочисленную стражею запорожцев, которых роскошно содержать должны были окрестные жители; новые старшины не только не уступали старым в алчности, любостыжании и угнетении народа, но даже превзошли их, спеша разжиться и разбогатеть. Очевидно было, что выставленные Брюховецким во время своей кандидатуры народныя стремления, служили для него лишь маскою, которую он отбросил, достигнув цели. Добившись власти, он пытался утвердить ее страхом и жестокостью; всякий протест против его распоряжений, даже невольный, вызывал конфискация, заточения, казни. Страшно кровавую расправу учинил он над городами, которые должны были сдаться Яну Казимиру во время его похода; летописи указывают притом множество казней постигших разных лиц, заслуживших неодобрение гетмана. Конечно популярность гетмана быстро падала и ему в свою очередь грозило крушение при появлении первого ловкаго честолюбца. Брюховецкий потому, в виду нараставшаго в народе раздражения, решился укрепить свою власть, заручившись решительною поддержкою правительства. В 1665 году он, вместе со многими полковниками отправился в Москву, где был принят очень милостиво, женился на дочери боярина, сам был пожалован боярским званием, сопровождавшие же его полковники получили дворянское достоинство.

Впрочем, эти наружные знаки милости были недостаточны для того, чтобы упрочить власть Брюховецкаго; он сознавал, что только существенными уступками в пользу централизации он достигнет положения лица необходимаго для правительства — уступки такие он и предложил во время своего пребывания в Москве; состояли же они в том, что гетман отказался от тех статей переяславльскаго договора, которыя обеспечивали административное и финансовое самоуправление края; то и другое он уступал воеводам, которые должны были принять в свое ведение малороссийские города и поселиться в них с отрядами московскаго войска. Действительно в 1666 году гетман передал воеводам все полковые города с правом сбора податей с жителей полков. Воеводы стали переписывать народонаселение, обложили его как подушною податью, так и всевозможными налогами от промыслов, торговли, и т. д. Народ возроптал повсеместно и начались сначала спорадическия, потом все более и более частыя и иитензивныя вспышки, против гетмана, полковников, воевод и их прикащиков и целовальников.

Положение гетмана и поддерживавших его полковников становилось опасно (один из них Децик переяславльскій погиб от возмущения своих полчан) — они сознали, что волна народнаго раздражения опрокинет их раньше, чем правительство найдет возможным подать им помощь, и решились выйти из затруднительнаго положения путем новой интриги и измены; подобно тому, как прежде они предали права доверавшагося им народа, теперь они решились заплатить изменою правительству за оказанное им доверие. В 1668 году к Брюховецкому в Гадяч созваны были на тайное совещание все полковники и на совете этом решено было попытаться стать во главе народнаго движения, принять на себя почин в изгнании воевод и таким образом возстановить свою популярность. Действительно, разъехавшись по домам, полковники, вместо того, чтобы продолжать охранять воевод, стали открыто им противодействовать — вскоре возстание сделалось общим и воеводы частью погибли, частью же были с безчестием

изгнаны. Правительство конечно должно было наказать гетмана за это вероломство. Действительно русские ратные силы вступили в Малороссию под начальством князя Григория Григорьевича Ромодановскаго и осадили два первые пограничные города: Котельву и Опошню. Брюховецкий между тем совершенно растерялся. Его поздний протест против воевод не возвратил ему народного доверия, он попытался в попытках призвать в помощь татар, а между тем с незначительным отрядом наемной стражи выступил из своей резиденции — Гадяча, и стал медленно подвигаться, будто на встречу великорусским силам; на пути он остановился против села Диканки, на урочище „Сербинское поле“; не получая ни откуда помощи, он не знал, что дальше предпринять и вероятно сдался бы князю Ромодановскому при его приближении, но судьба иначе завершила карьеру Брюховецкаго. Еще до изгнания воевод многие левобережные полки обращались с призывом к гетману правобережной Украины, сменившему в 1665 году Тетеру — Петру Дорошенку с приглашением оказать им защиту и принять под свое управление. Теперь, когда с появлением великорусских войск, опасность усилилась, Дорошенко воспользовался приглашением и двинулся на помощь левобережной Украине; в сопровождении довольно численного козацкого войска и отряда орды, Дорошенко переправился через Днепр и двигался по направлению к Опошне. На пути он наткнулся на лагерь Брюховецкаго и, остановившись вблизи его, послал Брюховецкому приглашение явиться в свой стан. Хотя запорожцы, сопровождавшие Брюховецкаго и сопротивлялись этому свиданию, но городские козаки и старшина принудили жалкого гетмана отправиться в лагерь соперника и почти насильно повели его туда. Только что Брюховецкий приблизился к кургану на котором стоя верхом на лошади, ожидал его Дорошенко, как из толпы собственных подчиненных, провожавших его, посыпались упреки и обвинения, вскоре озлобление толпы усилилось и, не смотря на внушения и уговоры Дорошенка, она бросилась на Брюховецкаго и растерзала его. Дорошенко провозглашен был на время гетманом обеих сторон Днепра,

князь же Ромодановский, узнав о судьбе, постигшей Брюховецкаго, не ожидая пришествия Дорошенка, снял осаду и отступил за пределы Малороссии.

Так кончил жизнь, исполненную интриг и мелкаго честолюбия; бывший слуга Хмельницкаго, пожертвовавший всеми интересами и народа и правительства, для личной выгоды; добившийся предательством, изменою и убийством соперников и гетманской булавы и боярскаго сана. Трагическая его кончина ни в ком не вызвала сочувствия и сожаления. Одни вспоминали казнь Сомка и Золотаренка, другие разорение воеводами черных людей, третьи — измену правительству. Летописцы с ирониею рассказывают о его убийстве, а один приводит в заключение своего повествования сатирическую эпитафию.

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ ХАНЕНКО.

1670—1674 г.г.

Родовое предание, оставшееся у потомков гетмана Ханенка, сохранило воспоминание о его отце, Стефане Ханенке, жившем в начале XVII столетия; по словам этого предания Стефан Ханенко числился в войске Запорожском;

он женат был на дочери польского старосты, освобожденной им из татарского плена; старший из сыновей, родившихся от этого брака и был будущий гетман Михаил. О первоначальной службе его мы не имеем сведений, имя его первый раз упоминается в 1659 году в числе лиц, недовольных заключенными в то время переяславльскими статьями. Тогда Ханенко занимал уже должность Уманского полковника и владел ею безмерно в течении 10 лет. В 1669 году он является противником Дорошенка и стоит на стороне его соперника, Суховия; после неудачной осады Дорошенка в Стеблеве, Суховий сдает притязания на гетманство, которого добивался напрасно, Ханенку и сам бежит в Запорожье. Не находя возможности поддержать своих притязаний, вскоре после Суховия, Ханенко принужден также удалиться к запорожцам; отсюда он вошел в сношения с польским правительством, которое признало его гетманом и предложило Ханенку установить условия, на которых Украина вновь соединится с Польшею; на раде, собранной в Умани, в которой принимали участие только представители трех самых западных козацких полков, Ханенко был провозглашен гетманом, получил знаки своего достоинства от польского посланника и снарядил депутатов в Острог, куда королем была послана комиссия для приведения в порядок дел Украины. Здесь послы Ханенка возобновили в несколько сокращенном виде стати Гадячского договора и на их основании принесли присягу на верность королю.

Но территория, от имени которой Ханенко заключал условия с польскою короною, составляла только незначительную часть правобережной Украины; более чем в двух третях ея господствовал Дорошенко, признававший над собою власть турецкого султана; в той же части территории, которая по видимому признавала гетманство Ханенка, он не чувствовал себя вполне безопасным и потому, немедленно после заключения договора, испросил присылку польских войск для своей защиты.

Между тем на саму Польшу надвигалась страшная гроза; пользуясь слабостью польского правительства и побуждаемый советами Дорошенка,

султан предпринял решительный поход против Польши. В 1672 году сильная турецкая армия осадила Каменец, в подмогу ей отправился со своими козаками и частью крымской орды Дорошенко; Ханенко с своей стороны, исполняя полученное от короля предписание, попытался не пропустить Дорошенка к Каменцу; оба гетмана столкнулись на берегу Буга, вблизи Ладыжина у села Четвертиновки; сначала Ханенко успешно развеял передовой отряд войска Дорошенка, но потом уманские козаки и сопровождавшие их польския хоругви развеялись неосторожно на поле битвы; в это время подоспел с главными силами Дорошенко, нажал на них врасплох и нанес им решительное поражение; с остатками своего и польскаго войска Ханенко едва успел убежать в Ладыжин и затвориться в крепости. Дорошенко безприпятственно прошел для соединения с турками; после его ухода Ханенко, несколько оправившись, последовал за ним и соединился с польскою армиею; весь отряд, приведенный им в польский лагерь, не превышал 4,000 людей, не удивительно потому, что имя его проходит незаметным среди событий данной кампании. Вообще война была крайне неудачна для Польши. Турки овладели Каменцем, оттиснули польскую армию; по направлению ко Львову, и заставляли короля Михаила заключить позорный трактат, подписанный им в лагере у Бучача, по которому Польша уступала Порте всю Украину и Подолье и обязывалась платить ежегодную дань.

Возвращаясь из похода, Дорошенко остановился на пути в селе Христиновке, в окрестности Умани, бывшей резиденции Ханенка, и вошел в переговоры с местными жителями; результатом их было признание уманцами Дорошенка; который немедленно частью казнил, частью заточил сторонников Ханенка, пленил его семейство, назначил уманским полковником своего приверженца Гродзенка, и поставил гарнизоном в Умани два наемные полки: сердюцкий и компанейский. Но начальники Дорошенковаго гарнизона раздражили своим поведением жителей Умани. Во время праздника Пасхи в 1673 году компанейский полковник Силичич затеял

в пьяном виде драку на улице, что послужило поводом ко всеобщему возстанию; сторонники Дорошенка были обращены в бегство и уманцы, признали опять гетманом Ханенка. Последний явился в Умань из Польши и решился в последний раз вступить в борьбу с Дорошенком за гетманскую булаву: призвав в помощь поляков и получив подмогу из Запорожья, Ханенко двинулся на Чигирин; Дорошенко между тем отправил гонца в Крым просить помощи, сам же выступил на встречу противнику; оба гетмана встретились у Стеблева на реке Роси; Дорошенко окопал свой лагерь, Ханенко вел усиленные приступы в течении нескольких дней и надеялся, полагаясь на превосходство сил, сломить противника; между тем неожиданно нагрянула на него орда: поляки и козаки Ханенковы были рассеяны и понесли страшные потери; они бежали в разсыпную; сам гетман с остатками своего отряда искал спасения в степях запорожских; города, признававшие его власть над собою: Умань, Ладыжин, Лисянка — понесли тяжелую кару; они были взяты и разорены турками. Ханенко потерял всякую надежду на успех; он решился отказаться от дальнейшей борьбы и вместе с тем от гетманского звания. В марте 1674-го года он явился в Переяславль к гетману Самойловичу, в руки его сдал булаву и другие знаки власти, присланные ему королем, принял присягу на верность царю и получил монаршее прощение и значительные поместья на левой стороне Днепра, взамен тех, которыми он владел, по милости короля, в правобережной Украине. Конец жизни Ханенко проживал поочередно в Козельце, Лохвице и Киеве в качестве частного лица. Ни год, ни место его смерти не сохранились в сказаниях козацких летописцев.

ПЕТР ДОРОФЕЕВИЧ ДОРОШЕНКО

1665—1676 г.г.

Петр Дорошенко родился в Чигирине в 1627 году; он происходил из козацкой семи приписанной к чигиринской сотне. В 1649 году Дорошенко числился в составе гетманской козацкой сотни; Хмельницкий, заметив его

выдающиеся способности, возвел его в должность „арматного писаря" (товарища начальника артиллерии) и доверял ему важные поручения. Так в 1650 году мы встречаем Дорошенка в числе трех предводителей, ходивших с козацким войском в поход на Молдавию; а в конце того же года он отправился в качестве депутата от козацкого войска для переговоров с польским сеймом. В 1653 году Дорошенко занял должность прилуцкого полковника, которую сохранил до конца 1659 года. После смерти Хмельницкого он принадлежал к кружку старшин, поддерживавших Выговского и его политические стремления — он участвовал с козаками своего полка в военных действиях Выговского против полтавского полковника Пушкаря и затем против великороссийских войск; в последнем походе он был разбит князем Пожарским в битве у местечка Срибного и едва спасся бегством от плена. После низложения Выговского козацкою радою, Дорошенко поддерживал павшцаго гетмана до последней минуты и только, после окончательного поражения Выговского у Хмельника, в конце 1659 года, он сдался со всеми, остававшимися в его лагере, козаками наказному гетману Сомку. За это постоянство Дорошенко был наказан лишением полковничества Прилуцкого, которое было передано Федору Терещенку; на протоколе Переяславльской рады, утвердившей в гетманстве Юрия Хмельницкого, Петр Дорошенко подписался без всякого чина. При новом гетмане Дорошенко, впрочем, занял вскоре весьма видное место в числе окружавших его старшин. Уже в начале 1660 года он был назначен полковником Чигиринским и радою старшин отправлен в числе депутатов, посланных в Москву с просьбою об отмене некоторых статей Переяславльского договора; затем он принимал участие в походе под Чуднов Шереметьева и Юрия Хмельницкого и при заключении последним договора с поляками, вел от имени гетмана переговоры с предводителем польского войска, Любомирским. До конца гетманства Юрия Хмельницкого, равно как и при наследнике его, Павле Тетере, Дорошенко не терял своего значения. В 1663 году он получил от Тетери должность генерального асаула, а в 1665

году присоединил к нему звание Черкасского полковника.

Между тем в том же году Тетеря потерял надежду осилить Брюховецкаго и страшась повсеместного раздражения народа, решился оставить гетманство и убежал в Польшу. После него оставалось открытое поле для соискания гетманской должности — первый претендент, пожелавший занять ее был один из предводителей, возставших против Тетери и поляков, некто Опара, называвший себя Медведовским полковником; но для того, чтобы поддержать свою кандидатуру ему не доставало точки опоры; старшина козацкая; окружавшая Тетерю и разделявшая по большей части его стремления, и регестровые козаки относились враждебно к предводителю черни; между тем, заявляя свои притязания на гетманство; Опара лишился поддержки Брюховецкаго, в интересах котораго он действовал до того времени с целью подчинить его управлению правый берег Днепра и, в качестве правобережного гетмана, он из сторонника гетмана левобережного становился его соперником. Чувствуя шаткость своего положения Опара решился искать помощи извне и обратился за нею в Крым. Татары действительно явились по приглашению Опары в Украину, но по дороге мурзы их были задобрены Дорошенком и решились помочь последнему занять гетманство. Когда в лагерь татарский у Богуслава явился Опара в качестве союзника, то мурзы арестовали его и выдали Дорошенку, который препроводил его потом в заточение в Польшу, козаки же, сопровождавшие Опару, по предложению мурз татарских, объявили Дорошенка „наказным" гетманом. В начале 1666 года последний созвал в Чигиригне раду старшин и козаков, которая и утвердила его в гетманском сане. Немедленно после избрания Дорошенку предстояло отстоять свою должность от Брюховецкаго, стремившагося овладеть всею Украиною, и он занялся этим очень деятельно. Прежде всего он предпринял ряд успешных действий против тех козацких предводителей, которые признавали власть Брюховецкаго на правой стороне Днепра: один из них — брацлавльский полковник Дрозденко был разбит, взят в плен в Брацлавле и

потом разстрелян в Чигирине, другой — полесский полковник Децик — оттиснут на левую сторону Днепра, куда Дорошенко вслед за тем перенес военные действия; опубликовав универсалы, порицавшие действия Брюховецкаго, Дорошенко призывал всех жителей левобережной Украины соединиться под своею властью; вслед затем, вмешавшись в междуусобия, возникшия между козаками Переяславльскаго полка и их полковником Данком, Дорошенко принял сторону козаков, оттиснул великорусския войска, желавшия наказать их за убиение Данка; и овладел почти всем Переяславльским полком. Но дальнейшия его действия были остановлены крупным событием, имевшим решительное влияние на дальнейшую судьбу Украины: 30 января 1667 года подписан был уполномоченными России и Польши Андрусовский договор; четвертая статья этого договора гласила, что договаривающияся стороны решили разделить Украину на две половины: русскую и польскую, границею которых должно было служить течение Днепра.

Таким образом западная половина Украины должна была поступить обратно под власть Речи Посполитой и большинство ея населения возвратиться в крепостное состояние — исход этот конечно был встречен всеобщим негодованием народа и козаков. Между тем Дорошенко должен был подчиниться королю, и вступить с ним в переговоры относительно условий этого подчинения; переговоры эти действительно были начаты, но не привели ни к какому результату. С одной стороны польское правительство предлагало условия крайне стеснительныя для козаков и для автономии края, с другой, заметив чрезмерныя по его мнению требования в этом отношении Дорошенка, решилось передать гетманское достоинство другому лицу, более уступчивому по отношению к намерениям польскаго правительства. Переговоры потому шли вяло и не приводили ни к какому соглашению, но пока обе стороны не решались прибегнуть к оружию. Только в конце 1666 года в Украину вступило польское войско под начальством региментаря Маховскаго и стало брать города и истреблять мечем все население, не

изъявлявшее покорности королю; тогда Дорошенко, в свою очередь, поднял козацкие полки, бывшие под его начальством, нанял часть Крымской орды и напал на поляков. В сражении у села Печеры, на Буге, Маховский потерпел поражение, отступил к Браилову и затворился в этом городе; козаки взяли город приступом, избili поляков и, взявши в плен Маховского, выдали его татарам; в начале 1667 года Дорошенко, заключив союз с крымским ханом, отправился вместе со всею ордою опустошать юго-западные области Польши и осадил польского гетмана Яна Собесского, у Подгаец в Червоной Руси; только благодаря счастливой случайности, заставившей татар отступить, будущий польский король спасся от угрожающего ему разгрома и заключил перемирие с Дорошенком, но, конечно, на установление прочных дружелюбных сношений с Польшею не оставалось никакой надежды; раньше или позже нужно было выдержать с нею упорную борьбу; Дорошенко сознавал, что для борьбы этой собственные его силы будут недостаточны; если эти силы оказались слишком слабыми при Хмельницком, когда вся Украина действовала за одно, тем более не мог на них положиться Дорошенко теперь, когда вся тяжесть борьбы должна была лечь на одну только западную половину края, более всего пострадавшую в обезлюдившую во время предшествовавших войн; необходимо было опереться на внешнюю помощь, но рассчитывать, подобно Хмельницкому, на поддержку России Дорошенко не мог, так как Россия только что отказалась по Андрусовскому договору от покровительства над западною половиною Украины и на просьбу о помощи со стороны Дорошенка, бояре от имени Алексея Михайловича ответили ему советом: „чтобы он для блага Украины, по Андрусовскому постановлению, находился в верном подданстве короля польского". В крайности Дорошенку оставался один исход: искать покровительства и защиты у турецкого правительства.

Действительно Дорошенко и обратился к Порте: он предложил султану подчинит ему Украину на таких же условиях, на каких подчинялись ему Молдавия и Валахия, за что турки примут на себя обязанность, как

защищать козаков от Польши, так и предотвращать вторжения татар в Украину. Предложение это было благосклонно принято Портою и в начале 1669 года договор состоялся и был подтвержден козацкою радою; собранною Дорошенком вблизи Корсуня на реке Рассаве. Вслед затем от имени султана Дорошенку вручены были знаки гетманскаго достоинства: булава, бунчук и знамя, а также грамоты, заключающия в себе условия, на которых Порта принимала козаков под свое покровительство. Таким образом обеспечена была помощь Турции в предстоящей борьбе с Польшею, которая и разразилась несколько лет спустя, но, помимо этого прямого последствия, договор с Турциею имел еще другой не менее важный результат — он в значительной степени нейтрализовал политическия невыгоды для края условия Андрусовскаго договора. По смыслу этого договора Россия отказывалась от западной Украины в пользу Польши, но, если бы в предстоящей борьбе Турция осилила Речь Посполитую, то по отношению к Порте русское правительство не было связано никаким трактатом и могло возобновить усилия для соединения вновь всего южнаго края под своим покровительством — что Дорошенко имел в виду этот исход борьбы; как крайний результат своей политической комбинации, видно из того что сношения его дружелюбныя с русским правительством продолжаются непрерывно и становятся особенно интенсивными после того, как поляки заключили с турками Бучацкий договор (1672 г.), по которому они отказались в пользу Турции от Украины и Подолии. Русское правительство само становится тогда на точку зрения Дорошенка и начинает предпринимать ряд походов с целью подчинить себе западную Украину. Впрочем комбинация Дорошенка, совершенно верно рассчитанная по приемам дипломатии того времени, оказалась ошибочною только по отношению к его собственной личности. В качестве автора, придумавшаго весьма сложный политический план, и умевшаго выполнить существенную его часть, не смотря на невероятныя препятствія, Дорошенко рассчитывал, что русское правительство вручит ему гетманскую власть над соединенною

Украиною — но в этом отношении он ошибся — пользуясь значительною долею политической программы Дорошенка, московское правительство не имело в виду усиления его личного влияния и предпочитало поддерживать таких кандидатов на гетманство, которые, руководясь более мелким честолюбием и более узкими личными интересами, представляли бы более пассивное и податливое орудие в руках центрального правительства — потому оно и поддерживает на левом берегу соперников Дорошенка: Брюховецкаго, Многогрешнаго и Самойловича и старается присоединить под власть последнего правобережную Украину, отстраняя постоянно притязания на гетманство Дорошенка. Еще переговоры Дорошенка с Портою не были окончены, когда ему представилась первая возможность заявить свои стремления к соединению обеих половин Украины. В 1668 году; вследствие смут, возникших в восточной Украине по поводу изгнания из городов московских воевод, в область эту призван был жителями ея на помощь Дорошенко; он переправился через Днепр и пришел на Сербинское поле, где стоял станом, потерявший уже всякую надежду на свои силы гетман Брюховецкий; после прихода Дорошенка, народное негодование против Брюховецкаго разразилось бурною смутою, среди которой гетман этот был растерзан и преемником его в лагере провозглашен Дорошенко; но для того, чтобы этот выбор был действительным, нужно было подтвердить его приговором правильно созванной рады и, главное, согласием московскаго правительства; Дорошенко питал надежду на выполнение обоих этих условий: явившиеся в его лагерь левобережные полковники и старшины изъявили частно согласие на его выбор, начальник же великорусских войск, князь Ромодановский, вступивший было в Малороссию для того, чтобы наказать Брюховецкаго за изгнание воевод, получив известие от Дорошенка о случившемся, отступил обратно в пределы слободской Украины, предполагая, что правительство может утвердить Дорошенка, давно уже поддерживавшаго дружелюбныя сношения с Москвою; но дела сложились иначе, лишь только Дорошенко уехал на правый берег Днепра, князь

Ромодановский получил новые инструкции, он вновь вступил в Малороссию с ратною силою, и вошел у Чернигова в переговоры с старшиною левобережных полков; переговоры эти имели целью избрание нового гетмана; по взаимному соглашению в должность эту был возведен и утвержден правительством в 1669 году черниговский полковник Демко Многогрешный; таким образом разстроилось на этот раз объединение Украины, подготовленное Дорошенком. Между обоими гетманами завязалась мелкая бесплодная борьба, имевшая результатом только опустошение края, она продолжалась в течении двух лет; благодаря поддержке великорусских ратных сил, Многогрешный одержал в ней перевес и лишь два полка; Переяславльский и Дубенский признавали некоторое время над собою власть Дорошенка. Между тем последнему пришлось бороться с новою крупною опасностью; со времени избрания Брюховецкаго установилось мнение, что поддержка Запорожья может доставить гетманскую булаву тому кандидату, который успеет снискать себе расположение низовой общины. После смерти Брюховецкаго кандидат такой явился в лице Петра Суховия, бывшего писаря запорожскаго войска; склонив на свою сторону часть более беспокойную запорожцев, Суховий был провозглашен ими гетманом в Сечи, затем, заручившись помощью татар, он осенью 1668 года двинулся на Чигирин против Дорошенка, но испытал неудачу, войско его было рассеяно и сам он едва спасся бегством в степь. Весною следующего года Суховий поднялся снова с большими силами: он успел кроме запорожцев склонить на свою сторону южные полки левобережной Украины: полтавский, миргородский, лубенский, прилуцкий и переяславльский и войти в тесный союз с крымским ханом Адил-Гиреем. С значительными силами Суховий появился на Украине — отрядил орду к Чигирину, сам же отправился к Умани и созвал туда раду для подтверждения своего выбора ея приговором; татаре между тем встретили Дорошенка на пути к Умани и осадили его в лагере у села Конончи на берегу Роси; положение гетмана было весьма критическое, так как половина подвластных

ему полков, оставила его и отправилась на раду в Умань. Однако из положения этого он был спасен, благодаря вмешательству турецкого правительства — в это именно время явилось турецкое посольство с известием об окончательном утверждении султаном договора с Дорошенком; турецкий посол начал свои действия с того, что предписал именем султана крымцам оставить Дорошенка в покое и возвратиться домой. После удаления крымцев дела Суховия разстроились, многие козаки, собравшиеся в Умани, возвратились к Дорошенку, другие открыли раду и приступили к выбору нового гетмана, но выбор этот миновал Суховия, котораго главная опора — Крымская орда — была для него потеряна. Западные правобережные полки: уманский, кальницкий и брацлавльский — провозгласили на раде гетманом уманскаго полковника Михаила Ханенка, который отдался под покровительство Польши, заключил с польским правительством договор и в 1670 году был утвержден королем в гетманской должности. Оба гетмана; Дорошенко и Ханенко вступают в упорную борьбу, в которую увлекают и покровительствовавшая им правительства — турецкое и польское; в борьбе этой успех остается постоянно на стороне Дорошенка; он нанес противнику несколько чувствительных поражений: у Стеблева, Четвертиновки и т. д., занял Умань и другие города, признававшие Ханенка и наконец, в 1672 году, вызвал сильное турецкое нашествие на Польшу. Во время этого похода турки с помощью Дорошенка взяли Каменец, осадили Львов, и наконец, принудили польскаго короля Михаила заключить позорный договор у Бучача, в силу котораго он обязался платить дань Турции и отказался от Подолии и Украины в пользу турецкаго правительства.

Таким образом, выполнена была с крайними усилиями первая половина программы Дорошенка — он оставался единственным представителем правобережной Украины под покровительством султана — немедленно затем

приступил он к осуществлению второй половины своего плана. С 1672 года сношения Дорошенка с московским правительством относительно соединения обеих половин Украины под властью одного гетмана, подчиненного царю, становятся оживленнее и интенсивнее. Русское правительство, не стесняясь уже теперь статьями Андрусовского договора, принимает его предложения благосклонно и изъявляет готовность поддержать их своими силами, но оно желает воспользоваться обстоятельствами, минуя Дорошенка, и поручает руководство дела, утвержденному им на левом берегу Днепра, гетману Ивану Самойловичу, сменившему в 1672 году Многогрешного. Самойлович, для того, чтобы оформить свои притязания на правый берег Днепра, созывает в 1674 году раду в Переяславле, на которой козаки, пользуясь отречением от гетманства, потерявшего всякую надежду Ханенка, провозглашают Самойловича гетьманом обоих берегов Днепра; вместе с тем Самойлович с козацкими и великороссийскими войсками предпринимает ряд походов на западный берег Днепра для того, чтобы вызвать со стороны жителей признание своей власти и уговаривает Дорошенка отказаться от гетманства в свою пользу. Не смотря однако на превосходство своих сил и на сочувствие большинства народонаселения, он долго не может добиться решительного успеха вследствие своей бездарности и нерешительности. — Для того, чтобы овладеть правобережную Украину Самойловичу приходилось выдержать борьбу не с одним Дорошенком, на страну эту заявляли претензии и Турция и Польша, не пожелавшая подчиниться Бучацкому договору и возобновившая немедленно после его заключения войну с Портою. Обе державы вели между собою войну за обладание краем и, ожесточаясь все более и более, вымещали злобу на жителях страны: поляки, турки, крымская орда разрушают в течении нескольких лет города и села, истребляют или угоняют в плен население; жители, теснимые отовсюду, ищут спасение в бегстве и целыми массами переселяются на левый берег Днепра, отыскивая новые более безопасные места для поселений; выселяются из родины не

только целыя села, местечка и города, но и народонаселение целых полков и областей. Заметив это положение дел, Самойлович старается принаровиться к нему: вместо того, чтобы занять признававшую его власть территорию и принять энергические меры для ее защиты, он ограничивается отрывочными походами на правую сторону Днепра и во время их зазывает народ к переселению и размещает выходцев на левой стороне Днепра, стараясь притом поселить их подальше от Днепра. Край превращается быстро в пустыню, опустевшие города и села сожжены поляками и турками, немногие жители, пытавшиеся защищаться истреблены мечем. В течении 3—4 лет богатые и многолюдные некогда города: Ладыжин, Умань, Брацлавль, Черкассы, Павлочь, Корсунь, Канев и т. д. превращены в развалины или опустели. Это совершенное разорение края, известное в народной памяти под именем „руины" сломило наконец и Дорошенка. Поддерживая борьбу до последней крайности, он увидел, что для него остался один только возможный исход: отречься от власти и бросить на произвол судьбы незаконченный план, для осуществления котораго он в течений десяти лет направлял все свои силы. Оставленный старшиною и козаками перешедшими к Самойловичу, покинутый народом, он не интересуясь более турецким покровительством и не будучи в состоянии склонит на свою сторону московское правительство, он с остатками своих сил затворился среди пустыни в единственном, оставшимся в его власти городе Чигирине, и решился покончить свою политическую деятельность; но, не одобряя образа действий Самойловича и не доверяя его мелкой эгоистической личности, он желал отдать булаву в руки избраннаго его народа; объявив московскому правительству, что он отказывается от гетманства, он вошел в сношения с запорожским кочевым Иваном Сирком, созвал в конце 1675 года в Чигирине раду и на ней сдал знаки своего достоинства запорожской общине, как нравственной представительнице народа. Действие это не было, однако, одобрено русским правительством. Сирко получил выговор за принятие отречения Дорошенка и ему было поставлено на вид, что он вмешивается в

дело, к нему не относящееся. В начале 1676 года Самойлович приступил к Чигирину с сильным войском и объявил Дорошенку требование сдачи и отречения в своего ползу, Дорошенко исполнил то и другое, выехал из города и отправился пленником в лагерь Самойловича. Так закончена была политическая роль одного из более даровитых представителей козачества в XVII столетии. Не смотря на ошибки и неудачу Дорошенко в ряду современных ему козацких предводителей представляет отрадное явление: не мелкий эгоизм, не стремление к наживе и личным выгодам руководит этим гетманом — он искренно радуется о благе родины, он среди самых трудных обстоятельств, с неимоверною энергиею и постоянством борется из за него — он падает с достоинством и с сознанием исполненного долга.

Впрочем, русское правительство, не желавшее по политическим расчетам поддерживать Дорошенка в качестве гетмана, оценило по достоинству его личность. В плену и в ссылке он был встречен почетом и уважением, скорее как несчастный друг, чем как противник. Сдаваясь Самойловичу, Дорошенко обещал провести остаток дней в спокойствии, не вмешиваясь в общественные дела, и просил лишь, чтобы ему дозволено было поселиться на родине. Местом для его жительства назначен был город Сосница, где он и занялся устройством своего хозяйства, но вскоре он был потребован в Москву, вслед за тем туда же отправлена была и его жена. В Москве Дорошенку подарен был обширный дом и на его содержание назначена значительная сумма (до 1000 рублей), затем ему пожаловано поместье: 1000 дворов в селе Ярополче Волоколамского уезда. — В 1679 году он был назначен воеводою в Вятку и занимал эту должность до 1682 года; остаток дней он прожил в своем поместье, где скончался в 1698 году. Еще в начале текущего столетия в Ярополче, на погосте бывшей церкви во имя св. Парасковии, существовала на его гробнице каменная плита с следующею надписью: „Лета 7206, Ноября в 9 день преставился раб Божий, гетман войска запорожскаго, Петро Дорофеевич Дорошенко; а поживе от рождества своего 71 год и положен бысть на сем месте.“

Из лиц, принадлежавших к семейству Дорошенка, нам известны: его мать, принявшая монашество после его падения под именем Митродоры и два брата: Григорий, — полковник Брацлавльский и Андрей, — полковник Паволоцкий. Петр Дорошенко женат был на дочери родственника Богдана Хмельницкаго, Павла Яненка-Хмельницкаго, но, детей от брака этого не оставил.

Когда зметити Семанъ вѣсно
 вѣстогоуаного вѣстива капорощи

Гора ху м, их ш вие н оуачею

Трамис пвбни гдѣ и поганъ:
 Гара вѣстива вѣстива

На де те бра
 рѣна вѣстива

Ема Гнатън Ктима Россия в.
Иванъ Губовичъ Гаподинъ

Вашего Царского Предлого Великого Благоутрабнаго Милоуписного
Юрари^ю Ема^ю Вандо^ю Воша^ю Вашего Царского

Ваш^ю холо^ю на^ю ниши^ю по^ю ко^ю Предлого^ю Престола^ю
Предлого^ю Великого^ю Царского^ю Ивана^ю Вдохдени^ю

Михало
Ханекофф

Петрозо^ю сош^ю Ема^ю
Ема^ю Вандо^ю Вле^ю